

INSPIRIA

СЬЮЗЕН ХИЛЛ

ЭТЮД НА ХОЛМЕ

Серия
бестселлеров
о старшем
инспекторе
Саймоне
Серрэйлере,
которая
насчитывает
более
МИЛЛИОНА
ПОКЛОННИКОВ.

 INSPIRIA

Саймон Серрэйлер

Сьюзен Хилл
Этюд на холме

«ЭКСМО»

2004

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Хилл С.

Этюд на холме / С. Хилл — «Эксмо», 2004 — (Саймон Серрэйлер)

ISBN 978-5-04-115370-0

Серия бестселлеров о старшем инспекторе Саймоне Серрэйлере, которая насчитывает более миллиона поклонников. Полицейский детектив Фрея Грэффхам увольняется из лондонской полиции и переезжает в небольшой соборный городок — Лаффертон, который, кажется, подходит ей идеально — интересная архитектура, зеленеющие поля и дружелюбное сообщество. Почти сразу она обращает внимание на своего начальника — загадочного старшего инспектора Саймона Серрэйлера и ищет способы почаще попадаться ему на глаза. Работа становится размеренной, но Фрею все еще беспокоит рядовое сообщение о пропавшей недавно женщине. Когда такие сообщения начинают повторяться, Фрея понимает, что чутье ее не обмануло. Вместе со старшим инспектором Серрэйлером ей придется связаться в опасное расследование: бросить все силы на поимку преступника и предотвратить очередной удар по маленькому городку. «Захватывающее и тонкое изучение сознания психопата» — Daily Mail «Эта книга — преемник великих детективных шедевров Филлис Джеймс и Рут Ренделл... Великолепно» — Daily Telegraph «У Сьюзен Хилл есть бесценная способность выстраивать тщательно продуманное повествование, которое заставляет читателя перелистывать страницы» — Independent

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-115370-0

© Хилл С., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Один	8
Два	12
Три	21
Четыре	22
Пять	24
Шесть	32
Семь	33
Восемь	42
Девять	46
Десять	49
Одиннадцать	57
Двенадцать	59
Тринадцать	64
Четырнадцать	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сьюзен Хилл Этюд на холме

*Нет, кистью, не пером, представил я б живей
Местечки, города, все скопища людей.*

Джордж Крабб, «Местечко»¹

*Убежища людей разнообразны,
Пером не описать, здесь требуется масло.*

Джордж Крабб, «Городок»²

Для моего нежно любимого призрака

Запись

На прошлой неделе я нашел письмо от тебя. Я не думал, что у меня хоть одно сохранилось. Мне казалось, я уничтожил все, что осталось от тебя. Но вот это каким-то образом уцелело. Я нашел его среди налоговых деклараций семилетней давности, которые давно можно было выкинуть. Я не собирался его читать. Стоило мне только увидеть твой почерк, как на меня накатила тошнота. Я выбросил его в корзину. Но потом достал и прочитал. В нем ты несколько раз жалуешься, что я тебе никогда ничего не рассказываю. «Ты совсем никогда и ничего мне не рассказывал с тех пор, как был маленьким мальчиком», – написала ты.

---

¹ Перевод с английского Д. Е. Мина.

² Перевод с английского Т. Е. Масленниковой.

Если бы ты только знала, как мало я рассказывал тебе даже тогда. Ты и четверти всего не знала.

Когда я прочел твое письмо, я начал размышлять и понял, что теперь я могу кое-что тебе рассказать. Мне нужно сказать тебе. Мне пойдет на пользу наконец сделать несколько признаний. Я хранил некоторые секреты слишком долго.

В конце концов, теперь ты с ними точно ничего сделать не сможешь.

После того как я прочел письмо, я довольно долго просидел в тишине, вспоминая и записывая. Кажется, теперь я могу рассказать целую историю.

Так что позволь мне начать.

Первое, о чем я должен тебе сказать, – я очень рано научился врать. Наверное, я врал очень о многом, но первая ложь, которую я запомнил, была про пирс. Я ходил туда, хотя тебе говорил, что этого не делал. И это было не один раз. Я ходил часто. Я копил деньги или находил их в канавах. Я всегда заглядывал в канавы, на всякий случай. Несколько раз, когда другого выхода не было, я крал деньги; карманы, кошельки, сумки – как правило, они просто там валялись. Мне до сих пор стыдно, что я это делал. На свете мало вещей более отвратительных, чем воровство.

Но, понимаешь, мне надо было продолжать ходить туда, чтобы смотреть на Казнь. Я не мог удержаться. После того как я видел ее, я чувствовал себя удовлетворенным еще несколько дней, но потом желание посмотреть возникало снова, как зуд.

Ты же помнишь это представление, правда? Нужно было бросить монетку в щель, а потом она катилась вниз, пока не ударялась о спрятанную шторку, которая и заставляла все работать. Сначала зажигался свет. Потом три маленькие фигурки быстро въезжали в комнату для исполнения приговора: священник в своем облачении и с книгой, палач и между ними приговоренный. Книжка священника поднималась, и он начинал кивать головой вверх-вниз, и после этого сверху спускалась петля, а палач двигался вперед; его руки вздергивались и брали петлю и надевали ее на шею человеку. А потом под его ногами открывался люк, и он падал, и висел так еще несколько секунд до того, как свет гас и все заканчивалось.

Я даже не представляю, сколько раз я ходил смотреть на это, но, если бы я знал, я бы обязательно сказал тебе, потому что теперь я намерен рассказать тебе все.

Все закончилось, только когда машину убрали. Однажды я спустился к пирсу и обнаружил, что ее нет. Я хочу объяснить, что я тогда почувствовал. Злость – да, я, несомненно, был зол. Но еще я почувствовал какое-то отчаянное разочарование, которое продолжало бурлить во мне еще долгое время. Я не знал, как мне избавиться от него.

Мне понадобились все эти годы, чтобы понять.

Не кажется ли тебе странным, что я не находил смысла в деньгах с тех самых пор и никогда не умел их тратить, кроме как на то, что было действительно необходимо? Я получаю довольно много, но это меня не волнует. Большую часть я просто отдаю. Возможно, ты с самого начала знала, что я тебя не слушался и ходил к пирсу, потому что однажды ты сказала: «Я все знаю». Меня это взбесило. Мне нужны были секреты, что – то, что было бы только моим и никогда – твоим.

Но сейчас мне нравится разговаривать с тобой. Я хочу, чтобы ты все узнала, и если у меня до сих пор и есть секреты, – а они есть, – я хочу поделиться ими, но только с тобой. И теперь я могу выбирать, рассказывать ли тебе вообще что-то, и как много, и когда. Теперь решаю я.

Один

Декабрь, утро четверга. Шесть тридцать. Еще темно. Туманно. Эта зима была больше похожа на осень – теплая, влажная и гнетущая.

Анджела Рэндалл не боялась темноты, но, возвращаясь домой в это хмурое время после тяжелой смены, она находила густой, словно эктоплазма, туман пугающим. В центре города жизнь уже начиналась, но огни, которые зажигались тут и там, казались далекими: маленькие мерцающие островки янтаря, которые не создают ни тепла, ни уюта.

Она ехала медленно. Больше всего она боялась велосипедистов, внезапно возникающих перед ней из тумана и темноты, обычно без отражающих полосок на одежде, а зачастую даже без фонарей. Она была умелым, но неуверенным водителем. Жуткий страх – не врезаться в чужой автомобиль, а переехать велосипедиста или пешехода – постоянно преследовал ее. Ей пришлось переступить через себя, чтобы научиться водить в принципе. Иногда ей казалось, что это был самый храбрый поступок в ее жизни. Она знала, какой ужас, и шок, и скорбь приносят аварии на дорогах тем, кто остается жить. Она все еще слышала стук в дверь, все еще видела очертания шлемов полицейских за замерзшей стеклянной панелью.

Ей было пятнадцать. Сейчас ей пятьдесят три. Ей было трудно вспомнить свою мать живой, здоровой и счастливой, потому что те образы навсегда вытеснил другой – любимого лица в синяках и швах и маленького худого тела под простыней в холодном синевато-белом свете морга. Не было больше никого, кто мог бы опознать Эльзу Рэндалл. Анджела была ближайшей родственницей. Они вдвоем составляли крепкий союз и были всем друг для друга. Ее отец умер до того, как ей исполнился год. У нее не осталось ни одной его фотографии. Ни одного воспоминания.

В пятнадцать она осталась в совершенном, оглушающем одиночестве, но за следующие сорок лет она смогла повернуть это в свою пользу. Ни родителей, ни сестер, ни тетю, ни братьев. Идея большой семьи никак не укладывалась у нее в голове.

Не считая последних двух лет, она всегда думала, что не только хорошо приуровилась жить одна, но и никогда теперь уже не захочет для себя чего-то иного. Это было ее естественное состояние. У нее было несколько друзей, ей нравилась ее работа, она даже получила один диплом Открытого университета и собиралась пройти еще один курс. И, конечно же, она благословляла тот день, когда наконец смогла уехать из Бевхэма, накопив достаточно денег, чтобы, добавив их к сумме, вырученной за продажу своей квартиры, купить небольшой домик примерно в двадцати милях от Бевхэма, в Лаффертоне.

Лаффертон подходил ей идеально. Это был маленький город, но не слишком маленький, здесь были широкие зеленые проспекты и красивые викторианские террасы, а в районе собора – прекрасные дома эпохи короля Георга. Сам собор был потрясающий, – она время от времени ходила на службу, – а еще здесь были хорошие дорогие магазины и приятные кафе. Ее мама бы еще сказала, со своей забавной аккуратной маленькой улыбкой, что Лаффертон «населен очень приличная публика».

Анджела Рэндалл чувствовала себя в Лаффертоне уютно, спокойно, как дома. Когда она влюбилась несколько месяцев назад, сперва это ее озадачило, потому что раньше ей не были знакомы такие мощные, всепоглощающие эмоции, но скоро она стала верить, что ее переезд в Лаффертон был частью плана, к кульминации которого она теперь подошла. Анджела Рэндалл любила с таким упоением и преданностью, что это полностью захватило ее жизнь. Вскоре она четко осознала, что это захватит и жизнь того, другого. Как только он примет ее чувства к нему, как только она будет готова открыться, когда настанет правильный момент.

Перед тем как она встретила его, жизнь начала казаться ей немного пустой. Тревожные мысли о грядущих болезнях, немощи и старости подбирались к уголкам ее сознания, злобно

скалась. Она была в шоке, что достигла возраста, до которого не дожила ее мать. У нее было чувство, что у нее нет на это права. Но с той встречи в апреле пустоту в ее жизни заняла полная и страстная убежденность, готовность покориться судьбе. Она и думать забыла об одиночестве, старости и болезнях. Она была спасена. И, в конце концов, пятьдесят три – это не шестьдесят три и не семьдесят три, это период расцвета. В пятьдесят ее мать была уже на границе старости. Теперь все были моложе.

Когда она выехала за крепостную стену старого города, туман и темнота вокруг машины стали еще гуще. Она съехала на дорогу, которую по какой-то странной причине называли просто «Дорогой Судного дня», и повернула налево, на Девоншир-драйв. Несколько огней горели в окнах спален огромных особняков, но сквозь туман она с трудом могла их различить. Она снизила скорость до двадцати, а потом и до пятнадцати миль в час.

При такой погоде невозможно было понять, что это был один из самых привлекательных и благоустроенных районов Лаффертона. Она осознала, как ей повезло найти небольшой домик на Барн-клоуз, один из всего-навсего пяти в этом месте, да еще и по цене, которую она как раз могла заплатить. Он пустовал чуть больше года после смерти пожилой пары, которая прожила в нем более шестидесяти лет. Тогда здесь еще даже не было улицы как таковой, и многих внушительных домов, которые сейчас стояли на Девоншир-драйв, не было тоже.

Дом был совершенно лишен современных усовершенствований и определенно нуждался в ремонте, но, как только она впервые переступила его порог, сразу за молодым агентом по недвижимости, Анджела Рэндалл захотела жить здесь.

– Боюсь, здесь нужно будет очень много всего переделать.

Но ничто из этого не имело значения, потому что этот дом сразу покорила ее, и это было нечто особенное.

– Люди здесь были счастливы, – сказала она.

Девушка странно посмотрела на нее.

– Я хочу сделать предложение.

Она вошла в маленькую холодную кухню с бледно-зелеными стенами, бежевой газовой плитой и коричневыми лакированными шкафчиками, и ее взгляд устремился дальше, через окно, на поле за изгородью и Холм, возвышавшийся над ним. Облака гонялись за солнцем, иногда закрывая его так, что зеленые склоны становились то светлыми, то темными, будто это играли дети.

Впервые с тех пор, как раздавался тот стук в дверь, Анджела Рэндалл испытала чувство, которое через секунду распознала как счастье.

Ее глаза болели от усталости и напряжения, с которым она всматривалась в туман через лобовое стекло. Это была тяжелая ночь. Иногда старики бывали тихими, спокойными и мирными, и тогда вызовы раздавались совсем редко. Они просто делали обход каждые два часа и раскладывали белье или выполняли еще какую-нибудь рутинную работу, оставленную на них дневной сменой. В такие ночи она могла сделать очень много по своему учебному курсу, сидя в комнате для персонала дома престарелых. Но в эту последнюю ночь она едва ли открыла хоть одну книгу. Пятеро подопечных, включая пару совсем хрупких и слабых, спустились из своих комнат с симптомами острой вирусной инфекции, и в два часа ночи они вынуждены были позвонить доктору Дирбон, которая отправила одну пожилую леди прямо в больницу. Мистеру Гентли заменили таблетки, и из-за нового препарата у него начались кошмары, дикие и абсолютно ужасные, от которых он кричал во сне так, что жильцы комнат справа и слева от него просыпались в страхе. Мисс Паркинсон снова ходила во сне и умудрилась дойти до парадной двери, отпереть на ней замок, отодвинуть щеколду и пройти полпути по дорожке, прежде чем кто-то из персонала, отвлеченного суматохой с вирусом, это заметил. Деменция – это невесело. Все, что тут можно сделать, это ограничить для пациента возможность причи-

нить себе ущерб и свободу передвижений и, конечно же, поддерживать вокруг него чистоту и порядок, обеспечивать хорошей едой и ласковой заботой. Она часто думала о том, как бы она справлялась, если бы ее матери пришлось жить с такой болезнью, которая похищала у людей их самих: личность, память, дух, достоинство, возможность общения, – все, что делает жизнь богатой и ценной. «Ты оставишь меня здесь, правда же, – много раз спрашивала она шутливо у Кэрол Эштон, которая управляла домом престарелых «Фор Уэйс», – если я стану такой же?» Они просто смеялись и переходили на другую тему, но Анджела задавала эти вопросы, как ребенок, который нуждается в ободрении и защите. Что же, теперь ей не нужно больше волноваться о подобных вещах. Она не состарится одна, в каком бы состоянии ни оказалась. Она знала это.

Когда она доехала до конца Девоншир-драйв, туман рассеялся, и вместо густой пелены вокруг машины будто плавали тонкие серые нити и лоскуты. Появились большие пятна прозрачной темноты, сквозь которые дома и уличные фонари светились ярко-оранжевым и золотым. Поворачивая на Барн-клоуз, Анджела Рэндалл смогла различить собственные выкрашенные в белый цвет ворота в дальнем конце улицы. Она продолжительное выдохнула, снимая напряжение в плечах и шее. Ее руки на руле были влажными. Но она была дома. Ее ждали хороший сон и четыре выходных дня впереди.

Выйдя из машины, она ощутила, как туман опутывает ее кожу, словно влажная паутина, но с Холма на нее подул легкий бриз. Может быть, когда станет совсем светло и она соберется снова выйти на улицу, он уже развеет остатки тумана. Она устала больше, чем обычно, после тяжелой ночи и такой неприятной поездки, но ей и в голову не пришло изменить свой обычный распорядок. Она была организованной женщиной с устоявшимися привычками. Только одна вещь, произошедшая с ней недавно, должна была порвать защитный кокон, который она выстроила вокруг себя, и угрожала беспорядком и хаосом, но эти потенциальные беспорядок и хаос были ей милы и, к своему собственному удивлению, она была им рада.

Тем не менее пока что она должна придерживаться своего распорядка, и в любом случае если она пропустит хоть одну пробежку, то обязательно заметит разницу уже на следующий день – тело станет чуть менее гибким, а дыхание чуть тяжелее. Доктор сказал, что она должна заняться спортом, а она доверяла ему безгранично. Если бы он сказал ей подвесить себя вверх ногами на ветку дерева на неделю, она бы это сделала. Но ее не привлекал ни один спорт, поэтому она начала бегать – сначала она просто ходила, потом перешла на трусцу и постепенно увеличивала скорость и расстояние, достигнув отметки в три мили полноценного бега ежедневно.

– Сбалансированная жизнь, – сказал он ей, когда она рассказала ему, что начала еще один курс в Открытом университете. – Заботитесь одновременно и о теле, и о духе. Древний рецепт, но от этого не менее эффективный.

Она вошла в свой опрятный, безупречно чистый дом. Ковры – излишество, ради которого она специально копила деньги, – были очень мягкими и покрывали пол целиком. Когда она захлопнула входную дверь, в доме воцарилась тишина, которую она так любила, мягкая, глубокая тишина, камерная, уютная.

Все было на своих местах. В каком-то смысле этот дом был ее жизнью и стал для нее большим, чем до недавнего времени могла бы стать любая семья, любое человеческое существо или домашнее животное. Она чувствовала себя абсолютно уверенно, когда покидала этот дом накануне вечером. Здесь не было никого, кто мог бы что-нибудь переставить. Анджела Рэндалл полагалась на Барн-клоуз, четыре, и он никогда не подводил ее.

В течение следующего часа она съела банан, порезанный в небольшую миску с мюсли, и выпила одну чашку чая. Тост с яйцом и ломтиком нежирной свинины, помидоры и еще одна чашечка чая ждали ее потом, после пробежки. А пока она выложила продукты и оставила их под прозрачной крышкой, достала кастрюлю, хлеб и масло, наполнила электрический чайник,

сполоснула и вытерла заварочный. Все было подготовлено к ее возвращению, когда она прибежит и примет душ.

Она послушала новости по радио и прочла первую полосу газеты, которую только что принес мальчишка, затем поднялась в свою бледно-голубую спальню, сняла униформу, бросила ее в ящик для белья и надела чистую, свежесглаженную белую футболку, бледно-серый спортивный костюм, белые носки и обувь для бега. Волосы она расчесала и убрала с лица под эластичную белую повязку. Она положила три обернутые конфеты с глюкозой в карман, а на шею надела ленточку с запасным ключом от дома, который спрятала под одежду.

Когда она закрывала за собой дверь, все больше огней зажигалось в домах и тонкая, холодная, безрадостная полоска рассвета уже выглядывала из-за Холма. Туман все еще висел в воздухе, покрывая деревья и кусты на склонах, клубился и густел, а потом вновь рассеивался и становился прозрачным.

Но шторы еще никто не открывал. Никто не выглядывал из окон, желая побыстрее начать новый день и увидеть, что происходит на улице и кто уже вышел. Это было не такое утро. На углу Барн-клоуз, в нескольких ярдах от ее собственного дома и в начале дорожки, спускавшейся в поле, Анджела Рэндалл перешла на легкую трусцу. Несколько минут спустя она уже бежала, тихо, уверенно и упрямо, вдалеке от посторонних глаз, через широкую зеленую равнину прямо на Холм, а потом, через несколько ярдов, внезапно исчезла в ватном, глухом, плотном и липком тумане.

Два

Утро воскресенья, четверть шестого, штормовой ветер. Кэт Дирбон подняла телефонную трубку после второго звонка.

– Доктор Дирбон слушает.

– О боже... – голос пожилой женщины дрогнул. – Извините, я не хотела беспокоить вас посреди ночи, доктор, извините...

– Для этого я и нужна. В чем дело?

– Айрис Чатер, доктор. Это Гарри – я слышала его. Я спустилась, и он издавал такие странные звуки, когда дышал. И он так выглядит... вы знаете... ему нехорошо.

– Я еду.

Звонок не был неожиданностью. Гарри Чатеру было восемьдесят. У него было два сильнейших удара, диабет и слабое сердце, и недавно Кэт нашла у него медленно растущую карциному в кишечнике. Ему, наверное, стоило быть в больнице, но они с женой настаивали на том, что ему будет лучше дома. Тихо выскальзывая из дома, она подумала, что, скорее всего, так и было. Он точно был счастливее, лежа в кровати, которую они организовали для него внизу, в гостиной, в компании своих двух попугайчиков.

Она выехала задом на дорожку. Деревья рядом с конюшней, которые на секунду попали в свет ее фар, неистово били ветвями, но лошади спокойно стояли в стойлах, а ее семья глубоко спала.

Мало кто теперь держал попугайчиков, не считая ярых любителей птиц. Птицы в клетках вышли из моды, так же как пудели. Аккуратно поворачивая машину так, чтобы не наехать на упавшую ветку, она попыталась вспомнить, когда последний раз видела человека с пуделем, подстриженным так, что он походил на шерстяные помпоны, которые Сэм и Ханна мастерили, когда были детсадовцами. Какие еще поделки они гордо приносили домой? Она мысленно начала составлять список. Нужно было проехать восемь миль, чтобы добраться от деревни Этч-Седби до Лаффертона, а вокруг была полная темнота, шел дождь, и дорога в это время пустовала; уже много лет, чтобы тренировать мозг и не засыпать за рулем во время таких ночных вызовов, Кэт заставляла себя читать вслух стихи – те, которые она учила наизусть в детстве: «Филин и кошечка», «Этой погоды кукушка ждет», «У меня есть серебряный пенни и абрикосовое дерево» – и потом, когда сдавала экзамены: хоры из «Генриха V» и монологи из «Гамлета», стандартный набор. Радио, казалось, еще больше вгоняло ее в сон, но поэзия, или химические формулы, или счет в уме заставляли ее голову работать. Или списки. Шерстяные помпоны, их она уже вспомнила, а еще картины из макарон и бинокли, сделанные из втулок от туалетной бумаги; открытки на День матери с нарциссами из желтой цветной бумаги, кривые горшки из проволоки, звери из папье-маше, мозаики из разноцветных кусочков клейких бумажек.

Луна выглянула из-за быстро бегущих облаков как раз тогда, когда она свернула в Лаффертон и увидела возвышающийся над ним собор, высокая башня которого сияла серебром, а окна загадочно мерцали.

Медленно, тихо ступает луна
По ночи в тувельках из серебра...³

Она пыталась вспомнить, что же было дальше.

³ Уолтер де ла Мэр (1873–1956). «Серебро». (Пер. с англ. Т. Масленниковой)

Нельсон-стрит была одной из двенадцати улиц, которые образовывали район, прозванный Апостольским. В доме номер тридцать семь, в двух третях пути от начала улицы до ее конца, горел свет.

Гарри Чатер должен был умереть, вероятно, в течение ближайшего часа. Кэт знала это, когда входила в заставленную безделушками тесную гостиную, в которой ярко горел газовый свет и чувствовался запах антисептика и тлетворный дух болезни. Он был крупным человеком, но сейчас будто скукожился и жалобно вжался сам в себя, и вся его мощь и жизненная сила покинули его.

Айрис Чатер вернулась на свой стул у его кровати и взяла его ладонь в обе руки, мягко поглаживая ее, а ее взгляд, полный страха, переходил с его сморщенного серого лица на лицо Кэт.

– Ну-ка, Гарри, взбодрись, тут доктор Дирбон пришла тебя проведать, доктор Кэт... тебе будет приятно ее увидеть.

Кэт встала на колени рядом с низкой кроватью и почувствовала жар от газовой лампы на своей спине. Клетка с попугайчиками была накрыта золотистым велюровым покрывалом с бахромой, и птицы молчали.

Она уже, по большому счету, не могла ничего сделать для Гарри, но чего она точно делать не собиралась – так это звонить в скорую и отправлять его умирать вдали от дома, скорее всего на жесткой каталке в коридоре Битэмской центральной. Она могла обеспечить ему максимум возможный комфорт и принести кислородный баллон из машины, чтобы облегчить ему дыхание, а также могла посидеть с ними обоими до тех пор, пока ее не вызовут куда-нибудь еще.

Кэт Дирбон было тридцать четыре года, она была молодым специалистом, но из тех, кто, будучи потомками нескольких поколений врачей, унаследовали убеждение, что некоторые старые методы оставались самыми лучшими, особенно когда это касалось индивидуального ухода за пациентом.

– Ну же, Гарри, милый, – когда Кэт вернулась с кислородным баллоном, Айрис Чатер легко трепала своего мужа по впалой щеке и нежно с ним говорила. Его пульс был слабым, дыхание неровным, а руки очень холодными. – Вы же можете сделать что-нибудь для него, да, доктор?

– Я могу сделать так, чтобы ему стало лучше. Просто помогите мне приподнять его на подушках, миссис Чатер.

Снаружи в окно бился штормовой ветер. Газовый свет дрожал. Если Гарри протянет дольше чем еще час или около того, Кэт надо будет вызывать районных медсестер.

– Он же не страдает, нет? – Айрис Чатер все еще держала мужа за руку. – Это не очень хорошо выглядит, правда – такая вот маска у него на лице?

– Это лучший способ облегчить его состояние. Я думаю, ему вполне неплохо, правда.

Женщина посмотрела на Кэт. Ее лицо тоже было серым и сморщенным от напряжения, глаза глубоко впали, а кожа под ними повисла и потемнела из-за усталости. Она была на девять лет младше своего мужа – опрятная, энергичная женщина, но сейчас она выглядела такой же старой и больной, как и он.

– Для него это была уже не жизнь – после того, что было весной.

– Я знаю.

– Он не мог этого выносить... быть зависимым, быть слабым. Он ничего не ел. Для меня было целое дело, чтобы он хоть ложку проглотил.

Кэт надела кислородную маску на лицо Гарри. Его нос был похож на клюв, такой же острый из-за того, что по обеим его сторонам совсем не осталось плоти. Под почти прозрачной кожей четко проступал череп. Даже при помощи кислородной маски он дышал с трудом.

– Гарри, милый! – Его жена провела рукой по его брови.

Сколько еще осталось таких теперь, женатых по пятьдесят лет и все еще счастливых быть вместе? Сколькие из ее собственного поколения смогут вот так держаться, принимая все происходящее как должное, потому что это то, что сделали они сами, и то, что они обещали делать в будущем?

Она поднялась на ноги.

– Я думаю, нам обеим не помешает выпить чаю. Вы не против, если я немного похозяйничаю у вас на кухне?

Айрис Чатер вскочила со стула.

– Господи, я не могу позволить вам этим заниматься, доктор, сейчас я сама все принесу.

– Нет, – мягко сказал Кэт, – вы оставайтесь с Гарри. Он знает, что вы здесь, правда. Ему бы хотелось, чтобы вы были рядом.

Она вошла в маленькую кухню. Все полки, все горизонтальные поверхности были заставлены не только обычными фарфоровыми сервизами и кухонными принадлежностями, но и чисто декоративными предметами – украшениями, календарями, фигурками, картинками, пословицами в рамках, банками для меда в форме ульев, пашотницами с улыбающимися рожицами, термометрами на латунных подставках и часами в виде цветочных клумб. На подоконнике стояла пластиковая птичка, которая опустила голову, будто чтобы попить воды из стакана, когда Кэт дотронулась до нее. Она представила, в какой восторг от нее пришла бы Ханна – почти в такой же, в какой привела бы ее вязаная куколка, чья широкая розовая юбка укрывала сахарницу.

Она зажгла газ и наполнила чайник. Снаружи ветер хлопнул воротами. Этот дом подходил своим обитателям, а они подходили ему словно перчатки. Как кто-то еще мог радоваться кружкам с изображением членов королевской семьи и чайным полотенцам с вышитыми на них фразами «Дом, милый дом» и «С наилучшими пожеланиями»?

Она молилась, чтобы ее телефон не зазвонил. Провести какое-то время с умирающим пациентом, делая что-то самое обыкновенное, типа приготовления чая, помогая самой обыкновенной паре пройти через самое судьбоносное и тяжелое расставание в их жизни, значило гораздо больше, чем вся суета и многочисленные административные обязанности, связанные с работой врача общей практики. Медицина менялась, или ее меняли – серые люди, которые справлялись со своей задачей, но не понимали ее. Многие коллеги Кэт и Криса Дирбон становились циничными, выгорали и теряли ориентиры. Было бы так легко сдать, просто латая одного пациента за другим, словно банки на конвейерной ленте, и перекидывая всю сверхурочную работу на замещающих врачей. Так можно было обеспечить себе хороший сон по ночам – и небольшие порции профессионального удовлетворения. И того и другого Кэт была лишена. То, что она делала сейчас, точно для нее не окупится, да и уровень оплаты никто никогда не смог бы установить. Помочь Гарри Чатеру спокойно умереть и как следует присмотреть за его женой – работа, которая имела значение и была так же важна для нее, как и для них.

Она наполнила чайник и взяла поднос.

Спустя полчаса, держа в одной руке руку своей жены, а в другой – руку своего доктора, Гарри издал последний неуверенный вздох и умер.

В душевной комнате повисла невероятная тишина, совершенно особенная тишина, на которую Кэт всегда обращала внимание при встрече со смертью. Становилось так тихо, будто земля перестала вращаться и из мира пропали вся суета и любые тревоги.

– Спасибо, что остались, доктор. Я рада, что вы были здесь.

– Я тоже.

– Мне теперь нужно много чего сделать, так ведь? Я даже не знаю, с чего начать.

Кэт взяла женщину за руку.

– Вам совершенно ни к чему торопиться. Посидите с ним столько, сколько вам нужно. Поговорите с ним. Попрощайтесь, по-своему. Вот что сейчас важно. Остальное может подождать.

Когда она уходила, ветер стих. Рассвет только забрезжил. Кэт постояла у автомобиля, освежаясь после духоты в гостиной Чатеров. Тело скоро должны были забрать, а рядом с Айрис Чатер теперь была ее соседка. Умиротворенность была нарушена, и все безотрадные, но обязательные процедуры, связанные со смертью, должны были быть исполнены.

А ее работа здесь была закончена.

Таким ранним воскресным утром от Нельсон-стрит до собора можно было доехать за две минуты. В семь часов там служили литургию, и Кэт решила сходить на нее, но перед этим проверила, что творится дома.

– Привет. Ты проснулся?

– Ха-ха! – Крис держал трубку подальше от уха, чтобы Кэт могла слышать знакомые звуки, с которыми дрались ее дети.

– Ты как?

– Нормально. Гарри Чатер умер. Я оставалась с ними. Если ты не против, я схожу на семичасовую службу, а потом пойду выпью кофе с братом.

– Саймон вернулся?

– Должен был прилететь вчера ночью.

– Тогда иди. Этих двух я отведу покататься на пони. Ты должна пересечься с Саем.

– Да, обговорить папино семидесятилетие...

– Тогда тебе, конечно, сперва необходима пища духовная. – Крис был убежденным атеистом и, хотя в принципе уважал веру Кэт, не всегда мог удержаться от колкостей. – Жаль старика Гарри Чатера. Эти двое – настоящая соль земли.

– Да, но он уже действительно отжил свое. Я рада, что была здесь.

– Ты хороший доктор, ты в курсе?

Кэт улыбнулась. Крис был ее мужем, но еще он был ее партнером по врачебной практике и, по ее мнению, гораздо лучшим клиническим врачом, чем она когда-либо сможет стать. Профессиональное признание с его стороны что-то да значило.

Боковая дверь собора Святого Михаила и Всех Святых закрылась за ней практически бесшумно. Большая часть огромного здания была в тени, но в боковой часовне был зажжен свет и горели свечи. Кэт ненадолго остановилась и посмотрела вверх, озирая пространство, обьятное сводчатой крышей. Находиться внутри собора, в этой полутьме, – словно быть пророком Ионой во чреве кита. Как же все было иначе в прошлый раз, когда здесь собрались видные светские деятели и прихожане, одетые в свои лучшие наряды по случаю королевского богослужения. Тогда здесь гремела музыка и все пестрело яркими знаменами и торжественным облачением. Эти тихие, интимные утренние часы подходили ей гораздо больше.

Она заняла свое место среди пары дюжин людей, уже приклонивших колени, когда служка сопровождал священника к алтарю.

Она сочла бы невозможным работать врачом без той силы, которую придавала ей вера. Большинство тех, кого она знала и с кем работала, казалось, прекрасно справлялись и без этого, так что даже в своей семье она была странным исключением, хотя Саймон, как она думала, был уже близок к тому, чтобы разделить ее убеждения.

Когда она поднялась на балюстраду для причастия, перед ее глазами живо встало воспоминание о том, как они последний раз были здесь с братом, сидели плечом к плечу. Это были похороны трех юных братьев, убитых собственным дядей. Саймон находился в соборе официально как полицейский офицер, ответственный за расследование, а Кэт – как семейный

терапевт. Это была душераздирающая служба. По другую сторону от нее сидела Пола Озгуд, патологоанатом, которая присутствовала на месте преступления и работала с телами потом, во время расследования. Позже она призналась Кэт, что была тогда беременна вторым ребенком. Как она справилась, до сих пор оставалось для Кэт загадкой: какой силы должна была быть ее профессиональная отстраненность, чтобы спокойно осматривать эти три маленьких тела, изувеченные топором и ножом мясника? Такие люди и полицейские, как Саймон, – вот кому нужна была вся сила и поддержка, какую только можно найти. По сравнению с их трудом ее работа врачом общей практики в таком милом городке, как Лаффертон, казалась сущим пустяком.

Короткая служба закончилась, и ленты дыма от погасших свечей медленно спускались на нее... Она стояла на месте. Женщина, которая уже продвигалась к выходу через узкий проход, встретилась с Кэт глазами, а сразу за ней – другая. Обе улыбнулись.

Кэт немного отодвинулась, пропуская их вперед, а затем сорвалась с места и быстро проскользнула к двери на противоположной стороне главного прохода. Отсюда она могла сбежать через лужайку к дорожке, которая вела на улицу, прежде чем кому-то удастся поймать ее и, рассыпаясь в извинениях, попросить о неофициальной консультации.

* * *

Не считая нескольких служителей собора, мало кто постоянно проживал в этом районе в шикарных домах эпохи короля Георга, большинство которых уже давно превратились в офисы.

Здание, где жил Саймон Серрэйлер, находилось в дальнем конце улицы, из его окон с одной стороны открывался вид на окрестности, а с другой – на реку Глин, которая тихо протекала через эту часть Лаффертона. Вход в дом шесть по Сент-Майкл находился рядом с чугунным мостом, который вел на другую сторону набережной. Под ним постоянно суетилась стайка крякв. Чуть выше по течению плавали лебеди. А весной, сидя у окна Саймона, можно было увидеть, как между берегами летают зимородки.

*Кейс и Чаунди. Юридическая контора
Епархиальный религиозно-просветительский центр
Паркер, Финнс, Бернс. Аудиторская контора
Дэвис, Дэвис, Куп. Юридическая контора*

Кэт нажала на звонок над чехардой медных табличек напротив узкой деревянной полоски с изящной подписью: *Серрэйлер*.

Зная своего брата настолько хорошо, насколько это было возможно, – если кто бы то ни было вообще мог похвалиться, что знает его, – она совсем не удивилась решению Саймона жить в одиночестве, на самом верхнем этаже, в окружении офисов, пустовавших большую часть времени, когда он был дома, имея в качестве компании только крякающих уток, плещущуюся воду и звонящие колокола собора.

Сай отличался ото всех – и от своих брата и сестры, с которыми они были тройняшками, Иво и Кэт, и еще больше от своих родителей или кого-либо другого из обширного семейства Серрэйлеров. Он всегда был белой вороной, с самого раннего детства, о котором у Кэт остались хоть какие-то воспоминания, и он не очень хорошо вписывался в компанию вечно громко спорящих, отпускающих довольно-таки прямолинейные шутки медиков. Как такой тихий, замкнутый человек вписался, и вписался довольно-таки неплохо, в ряды органов полиции, оставалось еще одной загадкой.

В здании было сумрачно и тихо. Шаги Кэт гулко отдавались на деревянной лестнице, по которой она поднималась все выше и выше через четыре узких пролета. На каждой из площа-

док она включала лампочку с таймером, которая выключалась сразу перед тем, как она добиралась до следующей. *Серрэйлер*. Точно такая же табличка с надписью рядом со звонком.

– Кэт, привет! – Ее брату ростом шесть футов четыре дюйма пришлось согнуться вдвое, чтобы заключить ее в медвежьи объятия.

– У меня был ранний вызов, а потом я решила сходить на семичасовую службу.

– Значит, ты пришла позавтракать.

– Ну по крайней мере выпить кофе. Я и не ожидала, что у тебя найдется какая-то еда. Как Италия?

Саймон пошел на кухню, но Кэт не последовала за ним сразу: ей очень нравилось в этой комнате. В длину она пересекала весь дом, и вдоль ее стен располагались большие окна. Из кухни можно было увидеть кусочек Холма.

Белые деревянные ставни были распахнуты. На отполированных половых досках из вяза лежали два огромных шикарных ковра. Внутрь проникало солнце, освещая картины Саймона и несколько тщательно подобранных им самим предметов мебели, которые представляли собой вполне удачное сочетание антиквариата и современной классики. Помимо этой просторной комнаты в квартире была небольшая спальня, ванная, скрытая от глаз, и маленькая холостяцкая кухня. Энергетический центр находился именно здесь, в этой тихой комнате, в которую Кэт – как она сама признавала – заходила как в церковь: в поисках мира, спокойствия, красоты и духовной и визуальной подзарядки. Ничто в жилище ее брата даже отдаленно не напоминало о суматохе в ее собственном деревенском доме, вечно шумном и неприбранном, наполненном детьми, собаками, резиновыми сапогами, лошадиными уздечками и медицинскими журналами. Она любила его, там было ее сердце и ее корни. Но ее маленькая и очень важная частичка жила здесь, в этой обители света и умиротворения. Она думала, что, вероятно, именно это место помогало Саймону оставаться в своем уме и делать свою зачастую тяжелую и неприятную работу так хорошо.

Он принес поднос с полным кофейником и поставил его на буковый стол рядом с окном, которое выходило на улицу и на заднюю часть собора. Кэт села, обхватив ладонями горячую керамическую чашку и слушая рассказы брата про Сиену, Верону и Флоренцию – в каждом из городов он провел по четыре дня.

– Было еще тепло?

– Днем солнце, ночью прохладно. Идеальная погода, чтобы работать на улице.

– Могу я посмотреть?

– Еще не распаковал.

– О'кей.

Она прекрасно знала, что не стоит уговаривать Саймона показать что-то из рисунков, прежде чем он сам отберет то, что посчитает лучшим и достойным чужих глаз.

После окончания школы Саймон отправился в художественный колледж, не приняв во внимание желания, советы и какие-либо амбиции родителей. Он никогда не проявлял ни малейшего интереса к медицине, в отличие от всех остальных представителей семьи Серрэйлер во многих поколениях, и никакое давление не могло убедить его хотя бы попытаться изучить точные науки глубже, чем на уровне школьной программы. Он рисовал. Он все время рисовал. Он пошел в художественную школу, чтобы заниматься рисованием – не фотографией, не дизайном одежды, не компьютерной графикой и уж точно не изучением инсталляций или концептуального искусства. Он рисовал прекрасно: людей, животных, растения, здания, все удивительные проявления повседневной жизни – на улицах, в магазинах, везде, где оказывался. Кэт нравились его смелые линии, его манера штриховки, его быстрые зарисовки и то, как он замечательно подмечал и запечатлевал мельчайшие детали. Дважды в год и иногда на праздники между отпусками он уезжал в Италию, Испанию, Францию, Грецию или куда-

то еще дальше, чтобы рисовать. Однажды он несколько недель провел в России, месяц жил в Латинской Америке.

Но он так и не окончил обучение в художественной школе. Он был разочарован и растерян. Он сказал тогда, что никто не хочет, чтобы он рисовал, и ни в малейшей степени не заинтересован в преподавании или каком-то продвижении искусства рисования. Вместо этого он пошел в Королевский колледж Лондона, занялся правом, окончил его с отличием и сразу же вступил в ряды полиции, которая была его второй детской страстью. Его почти сразу направили в уголовный розыск, где он дослужился до звания старшего инспектора в возрасте тридцати двух лет.

В среде полицейских никто не знал про художника, подписывавшего свои работы как Саймон Озлер – Озлер было его второе имя. И никто из тех, кто посещал его выставки-продажи вдалеке от Бевхэма или Лаффертона, не знал старшего инспектора Саймона Серрэйлера.

Кэт налила себе еще кофе. Они поболтали про отпуск Саймона, про ее семью и кое-какие местные слухи. Дальше разговор обещал быть более тяжелым.

– Сай, тут такое дело...

Он поднял глаза, услышав что-то неладное в ее тоне, и явно насторожился. «Как же это странно, – в очередной раз подумала Кэт, – что он и Иво, двое мужчин в их троице, так не похожи друг на друга, что их и за братьев-то сложно принять». Саймон был единственным в семье со светлыми волосами, хотя его глаза были глазами Серрэйлера – темными, как ягоды терновника. Сама она обладала очевидным сходством с Иво, хотя они оба уже довольно давно его не видели. Иво работал в санавиации где-то в Австралии уже шесть лет, и был в связи с этим счастлив, как слон. Кэт сомневалась, что он собирается возвращаться домой.

– У папы день рождения в следующее воскресенье.

Саймон посмотрел вдаль, на скопление бегущих над крышей собора облаков. Он ничего не ответил.

– Мама готовит обед. Ты же придешь, да?

– Да, – в его голосе не прозвучало никаких эмоций.

– Он это очень оценит.

– Сомневаюсь.

– Не будь ребенком. Забудь об этой истории. Ты всегда сможешь затеряться в толпе – одному богу известно, сколько нас там соберется.

Она поднялась, чтобы сполоснуть свою кружку в стальной раковине. Кухня Саймона, в которой вряд ли когда-нибудь готовили что-то серьезнее, чем тосты и кофе, стоила ему больших проблем и маленького состояния. Кэт всегда было очень интересно: почему?

– Мне нужно домой, освободить Криса от мероприятий с пони. Завтра ты уже на работе?

Лицо Саймона смягчилось. Они снова были на безопасной территории. Провести пятнадцать дней за границей, будучи полностью оторванным от своего дома и от работы, было для Саймона более чем достаточно, это Кэт знала четко. Ее брат жил ради работы и рисования, и еще ради того, чтобы жить здесь, в этой квартире. Она принимала это целиком и полностью, хотя иногда ей и хотелось, чтобы было еще что-то. Она знала еще об одной вещи, но эту тему они обсуждали только тогда, когда он сам ее поднимал. А делал он это редко.

Она еще раз обняла его и поспешила к выходу.

– Увидимся в следующее воскресенье.

– Увидимся.

После ухода сестры Саймон Серрэйлер принял душ, переоделся и сварил себе еще кофе. Теперь он собирался разобрать вещи и просмотреть работы, которые он сделал в Италии, но сначала он должен позвонить в уголовный розыск Бевхэма. Может быть, официально работа

и начинается только с завтрашнего дня, но он не мог так долго ждать, чтобы выяснить, какие дела – если такие были – закрыли в его отсутствие и, что еще более важно, появились ли новые.

Две с половиной недели – это долгий срок.

Запись

Интересно, осознавала ли ты когда-нибудь, насколько сильно я ненавижу эту собаку? У нас никогда не было никаких домашних животных. И вот, когда однажды днем я вернулся домой из школы, она была здесь. Я до сих пор вижу тебя – как ты сидишь в своем кресле, с мягким коричневым пуфом под ногами, с очками на носу и книжкой из библиотеки рядом на столике. Первые несколько секунд я даже не замечал ее. Я подошел к тебе, чтобы поцеловать, как обычно, и тогда увидел ее – собаку. Это была очень маленькая собака, но не щенок.

– Что это?

– Мое домашнее животное.

– Зачем это?

– Я всегда хотела иметь домашнее животное.

Глаза этой собаки, блестящие словно бусинки, смотрели прямо на меня из-под прядей длинной шелковистой шерсти. Я возненавидел ее.

– Она же тебе нравится? – спросила ты.

Теперь я могу сказать тебе, насколько я ненавижу эту собаку, ненавижу ее из-за того, что она была твоей и ты любила ее, но еще из-за нее самой. Собака сидела у тебя на коленях. Собака вылизывала твое лицо своим сиреневым языком. Собака брала угощение из твоих рук. Собака спала в твоей постели. Собака ненавидела меня так же, как я ненавижу ее. Я знал это.

Но, как это ни странно, если бы не собака, я, может быть, никогда бы и не понял, кем я хочу стать, в чем состоит моя судьба.

Я знаю, что ты помнишь тот день. Я лежал на коврике у камина и дразнил собаку, тербя пальцами у нее под носом, пока она не попытается их укусить, и быстро отдергивая их. Я очень хорошо научился рассчитывать время до секунды, и знал, что у нее никогда не получится меня ухватить, если я буду продолжать в том же духе, делать одно и то же снова и снова. Но я совершил одну ошибку. После этого я был очень зол на себя из-за своей глупости. Это научило меня сперва составлять план, а потом четко ему следовать. Я многому научился в тот день, не правда ли, благодаря одной ошибке? Вместо того чтобы терзать пальцами у нее под носом, я навис над собакой и начал рычать на нее, потому что думал, что этим застану ее врасплох и что это заставит ее меня испугаться. Я хотел, чтобы она меня испугалась. Но вместо этого она прыгнула и вцепилась мне в лицо, вырвав небольшой кусочек верхней губы.

Я был уверен, что ты увезешь собаку, чтобы ее убили за то, что она сделала со мной, но ты сказала мне, что я сам виноват.

– Может быть, это научит тебя не дразнить ее, – сказала ты.

Можешь ты представить, как меня ранили эти слова? Можешь?

Я никогда раньше не бывал в больнице. Ты отвезла меня туда на автобусе, прижав к моей губе чистый носовой платок. Я не знал, что будет там. Я и понятия не имел, что она окажется таким потрясающим местом, таким красивым и опасным, но в то же время таким, что ты чувствуешь себя там комфортно и защищенно. Мне захотелось навсегда остаться среди белоснежных коек, сияющих каталок и могущественных людей.

То, что они делали, было больно. Они протерли мне губы антисептиком. Мне понравился запах. Потом они зашили мне верхнюю губу. Боль была непередаваемая, но мне понравился

доктор, который делал это, и медсестра в сверкающей белой шапочке, которая держала меня за руку. Тебе пришлось остаться снаружи.

Так что, как ты понимаешь, тот факт, что ты любила собаку больше, чем меня, и что ты предала меня ради нее, уже не имел никакого значения, потому что в итоге я нашел свой путь. Я могу даже простить тебе это предательство, потому что твое оказалось не самым страшным. Самое страшное было позже. Я пережил твое предательство, но то, другое, – никогда, потому что меня предал человек, которого мне довелось полюбить. Тебя я не любил.

Я никогда не говорил тебе этого. Но теперь я рассказываю тебе все. Мы об этом уже договорились, верно?

Три

Утро четверга, рассвет только начинает проступать через грязно-серую мглу. Воздух теплый.

На Холме, этом бархатном зеленом островке, выплывающем из дымчатого моря, почти все деревья уже голые, но на кустиках ежевики и голубики, которые щетинятся в складках и низинах, как волосы на теле, все еще остались ягодки и последняя листва. На полпути к вершине Холма стоят Камни Верна, древние стоячие камни, похожие на трех ведьм, которые водят хоровод вокруг невидимого котла. Днем между ними бегают дети и на спор дотрагиваются до их щербатых боков, а в день летнего солнцестояния тут собираются люди в длинных белых облачениях, танцуют и поют. Но над ними, как правило, просто смеются, и всем известно, что они безобидны.

В это время суток несколько бегунов преодолевают свои маршруты, поднимаясь и спуская по Холму и огибая его, тяжело ступая по земле, всегда в одиночестве и не замечая ничего вокруг. Этим утром видно только двоих мужчин, которые бесшумно бегают с серьезным видом. Женщин нет. Через какое-то время, когда становится уже ощутимо светлее и мгла сворачивает свое покрывало, трое молодых людей на горных велосипедах начинают подниматься по песчаной дорожке к вершине Холма: они напрягают мышцы, тяжело дышат и явно выбиваются из сил, но упорно не спешиваются.

Старичок выгуливает йоркширского терьера, а дама – двух доберманов, с которыми обходит вокруг Камней Верна и быстро спускается вниз по тропинке.

Ночью на Холме тоже бывают люди, но это уже не бегуны и не велосипедисты.

Вскоре солнце встает кроваво-красным диском над колючими кустарниками и деревцами и над зеленой травой мха, касаясь Камней Верна, выхватывая обрывки бумажек, белый хвост убегающего кролика, мертвую ворону.

Никто не видит ничего необычного, глядя на Холм. Люди разговаривают, бегают, ездят здесь, но ничего не находят, не обнаруживают ничего, что могло бы их беспокоить. Все абсолютно так же, как обычно, камни стоят, а кроны деревьев возвышаются над ними и не таят никаких секретов. Все машины на своих местах на асфальтированных дорогах, и в любом случае, вчера был дождь – следы от шин все равно бы смыло водой.

Четыре

Дебби Паркер лежала в кровати, сжавшись в плотный комок и подтянув под себя ноги. За ее окном светило яркое для декабрьского утра солнце, но ее темно-синие шторы были задернуты.

Она слышала будильник Сэнди, слышала, как Сэнди принимает душ и как Сэнди слушает радио, но ничего из того, что она слышала, не имело значения. Когда Сэнди уйдет на работу, Дебби снова сможет заснуть и проспять все это тихое утро, закрывшись от солнца, от дня, от жизни.

После пробуждения всегда проходило несколько секунд, в которые она чувствовала себя хорошо, чувствовала, что все нормально: «Эй, настал новый день, поехали!» – прежде чем сокрушительная, ослепляющая тоска проникала в ее мозг, как чернила через промокательную бумагу, и расплзалась по нему мгновенно. По утрам всегда было плохо, а после того как она потеряла работу, стало еще хуже. Она просыпалась с головными болями, которые затуманивали ее мысли и не давали ничего делать еще полдня. Если она делала над собой титаническое усилие и все-таки выходила на улицу, чтобы пройтись по городу, – или вообще делала что-нибудь, – боль становилась чуть слабее. После полудня ей уже казалось, что она сможет справиться. По вечерам обычно бывало довольно неплохо. По ночам нет, даже если перед сном она выпивала пару бокальчиков и ложилась спать если не в приподнятом настроении, то хотя бы в легком забытии. Она резко просыпалась около трех, с жутко колотящимся сердцем и вся в поту от страха.

– Дебби...

Уходи. Не заходи сюда.

– Без десяти восемь.

Из открывшейся двери на стену упала полоска света.

– Чашку чая?

Дебби не двинулась и не издала ни звука. Уходи.

– Ну же...

Шторы со скрипом раздвинулись. Этот звук будто просверлил ей зубы. Сэнди Марш – такая бодрая, живая, яркая – сейчас была явно обеспокоена. Она села к ней на кровать.

– Я говорю, что принесла тебе чаю.

– Я в порядке.

– Ты не в порядке.

– Да.

– Можешь говорить, что я это не по делу, но мне кажется, тебе нужно сходить к доктору.

– Я не болею, – пробормотала она в глухую пустоту кровати.

– Но ты и не в норме. Посмотри на себя. Может, у тебя эта штука – метеозависимость?.. Сейчас декабрь. Это известный факт, что люди чаще кончают с собой в декабре и в феврале, чем в другие месяцы.

Дебби села, одним яростным движением сбросив с себя одеяло.

– О, отлично. Спасибо.

Ярко накрашенное, жизнерадостное лицо Сэнди перекосилось от беспокойства.

– Извини. Ну стукни меня. Извини. О господи.

Дебби заплакала, уронив голову на руки. Сэнди потянулась к ней, чтобы обнять.

– Ты опоздаешь, – сказала Дебби.

– Ну и черт с ним. Ты важнее. Пошли.

В конце концов Дебби поднялась и поплелась в душ. Но перед душем предстояла встреча с зеркалом.

Акне усугубилось. Все ее лицо было в отметилах и пятнах от сильной воспаленной сыпи. Она перекинулась ей на шею и даже на плечи. Она сходила по поводу нее к врачу один раз, несколько месяцев назад. Он прописал ей мерзко пахнущую желтую мазь и сказал наносить ее дважды в день. Она пропитала всю ее одежду, ею провоняло все постельное белье, а прыщей меньше не стало. Она даже не стала заканчивать банку и больше на приемы не ходила. «Ненавижу врачей», – сказала она Сэнди, когда они вместе сидели на кухне, завешанной дешевыми наскоро сколоченными ящичками, у которых постоянно отваливались дверцы. Сэнди сделала тосты и еще две чашки чая.

Они знали друг друга с начальной школы, выросли на одной улице и начали вместе снимать квартиру восемь месяцев назад, когда мама Сэнди снова вышла замуж и жить дома стало тяжело. Но то, что должно было превратиться в непрекращающееся веселье, почему-то им не стало. Дебби потеряла работу, когда строительная компания закрыла свое отделение в Лаффертоне, а потом на нее стала надвигаться тьма.

– Все, что мне могут дать врачи, – это гору таблеток, от которых у меня крыша поедет.

Сэнди опустила ложку в свою кружку, зачерпнула чай и вылила его обратно, зачерпнула и вылила снова.

– Хорошо. Может, тебе стоит встретиться с кем-то другим?

– Например?

– Ну, знаешь, чья реклама висит во всяких магазинах здорового питания.

– Что? Типа этих жутких акупунктурщиков? Хилеров и травников? Да они все немножко ударенные.

– Ну, многие люди готовы поклясться, что все это помогает. Просто запиши несколько имен.

Когда она чем-то занималась, ей становилось лучше. Ей стало капельку веселее, когда она подошла к газетному киоску и купила блокнот и ручку, а потом спустилась по Перротт к аптеке и взглянула поверх крыш на Холм, шапку которого освещал лимонно-желтый солнечный свет.

Аптека располагалась на Алмс-стрит, рядом с собором. «Со мной все еще будет нормально, – подумала Дебби. – Могу заняться спортом, скину десяточек кило, найду что-нибудь для кожи. Новая жизнь».

Визитные карточки были прикреплены булавками одна поверх другой, и все же вся эта куча как-то удерживалась на пробковой доске объявлений; некоторые ей пришлось приподнять и отцепить, чтобы разобрать имена и телефоны. Техника Александра, рефлексолог, лечение по Брендану, акупунктура, хиропрактика. Она перебирала их целую вечность. В итоге она записала данные четверых специалистов: по ароматерапии, по рефлексологии, по акупунктуре и по травам – а потом, поразмыслив, еще одного... Адрес и номер телефона принадлежали кому-то по имени Дава. Она почувствовала, что ее взгляд буквально притягивала эта карточка глубокого, интенсивного синего цвета, украшенная вихрем маленьких звездочек. ДАВА. ДУХОВНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ. КРИСТАЛЛЫ. ВНУТРЕННЯЯ ГАРМОНИЯ. СВЕТ. ТЕРАПИЯ ЦЕЛОСТНОЙ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ.

Она внимательно смотрела на синюю карточку, чувствуя, как та затягивает ее. Она что-то сделала с ней, в этом не было сомнений. Когда она вышла из аптеки, она чувствовала себя... иначе. Лучше. Синяя карточка не выходила у нее из головы, и каждый раз, когда она вспоминала о ней в течение дня, ей казалось, что она может в ней что-то увидеть, что-то из нее извлечь. Как бы то ни было, темнота притаилась, словно напуганный зверь, где-то в уголке ее сознания, и там и осталась.

Пять

– Я бы хотела увидеть старшего по званию. Может быть, офицера.

Управляя домом престарелых с пятнадцатью пожилыми подопечными в разной степени маразма, Кэрол Эштон научилась быть терпеливой и твердой, как, например, преподаватель младших классов, – Кэрол всегда видела определенное сходство этой профессии со своей. У нее также развился талант заставлять даже самых несговорчивых людей исполнять все, чего она требует, немедленно. Все это сержант у приемной стойки уже успел заметить.

– Не думайте, что мы относимся легкомысленно к заявлениям о пропавших.

– В этом я абсолютно уверена. Но еще я знаю, что вы должны внести имя пропавшего вместе с очень коротким описанием в список, который циркулирует между отделениями полиции, хотя на этом – если только пропал не ребенок или еще кто-то особенно уязвимый – поиски и заканчиваются.

Здесь она не ошибалась.

– Проблема заключается в том, миссис Эштон, что сейчас пропадает удивительно много людей.

– Я знаю. И я знаю также, что многие из них потом находятся, живые и невредимые. И еще мне более чем знакомо понятие «ресурсы». И все же я хочу встретиться с кем-нибудь, кто даст делу ход. И, как я уже сказала, я не пытаюсь преуменьшить значимость сотрудников полиции в форме, говоря, что хотела бы поговорить с детективом.

Она повернулась спиной к стойке, направилась к сиденьям у противоположной стены и села. Обивка на них была вся в разрезах и прорехах, сквозь которые на свободу рвался серый поролон.

Зная, что, вероятно, ей придется просидеть здесь некоторое время, Кэрол Эштон взяла свою книгу, но на самом деле она едва успела прочесть одну главу. Сержант у стойки сразу распознал в ней женщину, которая отцепится от него тогда и только тогда, когда получит то, за чем пришла.

– Миссис Эштон? Я детектив Грэффхам. Пройдемте?

Кэрол чертыхнулась про себя, удивившись, что это была женщина, ведь хотя в городе всегда было много женщин-констеблей, детектива она всегда представляла мужчиной. Как медсестер всегда представляют женщинами.

В комнате, куда ее пригласили, напротив, ничего удивительного не было – тесная маленькая безликая коробка с металлическим столом и двумя стульями бежевого цвета. Ты признаешься во всем на свете, лишь бы выйти отсюда.

– Я так понимаю, вы очень обеспокоены отсутствием одной из ваших подчиненных на работе в течение нескольких дней?

Она была красивая: короткая стрижка, острые черты, большие глаза.

– Анджелы – Анджелы Рэндалл. Только это не совсем верное слово – *подчиненная*.

Детектив Грэффхам взглянула на листок бумаги перед собой.

– Извините. Просто я только что получила информацию...

– О да, она, в общем, и *есть* подчиненная. Она работает на меня, просто это прозвучало как-то неприятно. У меня очень хорошие отношения со всеми моими сотрудниками.

– Я понимаю – субординация... Хорошо, давайте начнем сначала. Расскажите мне все об Анджеле Рэндалл. Только сперва позвольте предложить вам чего-нибудь горячего? Хотя должна сказать, что автомат у нас просто чудовищный.

«Она далеко пойдет» – вот о чем думала Кэрол Эштон, помешивая свой чай пластиковой палочкой, которая мало походила на ложку. Во всяком случае, она на это надеялась. Надеялась, что она не покажется кому-то слишком равнодушной и слишком увлеченной... слишком

– да, слишком заинтересованной. Детектив Грэффхам откинулась на стуле, сложила руки на груди, глядя прямо на нее, и стала ждать. Она и правда казалась искренне заинтересованной.

– Я управляю домом престарелых для людей с ментальными расстройствами.

– Болезнь Альцгеймера?

– По большей части.

– Надеюсь, вы понимаете, как вы важны. Моя бабушка умерла от этого в прошлом году.

Она получала отвратительный уход. Где находится ваше заведение?

– Фаунтен-авеню. «Фор Уэйс».

– И миссис Рэндалл работает там с вами?

– Мисс Рэндалл. Анджела. Да, она была с нами последние шесть лет и уже четыре постоянно работает в ночную смену. Она такой человек, о каком можно только мечтать, скажу вам по правде, – работящая, заботливая, надежная, она почти никогда не пропускала работу по болезни или по каким-то другим причинам, и поскольку она одинока и у нее нет иждивенцев, она всегда была рада работать по ночам. Редкий случай.

– Когда вы последний раз видели ее?

– Ну, я, конечно, не всегда на месте... разные смены, отгулы, может пройти целая неделя, и мы ни разу не пересечемся. Но я, разумеется, всегда знала, когда она должна выйти. Есть журнал посещений и другие сотрудники, которые работают с ней. Но вообще-то я видела ее как раз тогда, когда она последний раз появилась на работе. Она позвонила мне посреди ночи, и я отправилась туда. Я живу всего в четырех домах вниз по улице. Несколько подопечных подхватили какую-то жуткую инфекцию, и я была нужна. Тогда же там была и Анджела.

– И какой она вам показалась?

– Вымотанной, конечно, мы все той ночью были такими... у нас и поболтать-то времени не было. Но в целом она была такой же, как всегда... очень спокойной и уравновешенной.

– То есть ничего необычного вы в ней не заметили?

– О нет. А я бы заметила.

– И она не пришла в следующую ночь?

– Нет, у нее не было смены. У нее были выходные и четыре свободных дня впереди. Мы так делаем, чтобы каждый работник мог время от времени как следует отдохнуть. Им это нужно. Так что у Анджелы неделю не должно было быть ночных смен, а потом у нее еще была пара свободных дней. Когда я вышла на работу, я получила отчет, что она не выходила четыре ночи подряд и не сообщала о болезни. Это было совершенно не в ее духе. У меня были сотрудники, которые просто не объявлялись, не предупредив меня об этом, и я избавлялась от них. Мы просто не можем так функционировать. Наши подопечные не заслуживают такого. Но Анджела Рэндалл никогда бы себя так не повела.

– И что же вы сделали?

– Позвонила ей, несколько раз. Я все продолжала и продолжала звонить. Но она так и не ответила, а автоответчика у нее нет.

– Вы ходили к ней домой?

– Нет. Нет, не ходила.

– Почему же нет? – Детектив Грэффхам внимательно на нее посмотрела.

Кэрл Эштон стало не по себе – на самом деле она почувствовала себя виноватой, хотя до этого момента совершенно себя таковой не считала. Но у этой молодой женщины был такой пронизывающий, твердый взгляд, он будто мог увидеть ее скрытые мысли, добраться до самого сокровенного. Интересно, как долго могут выдерживать этот взгляд преступники?

– Миссис Эштон, я не смогу вам помочь – хотя очень хочу, – если вы не поможете мне.

Кэрл стала нервно помешивать остатки чая в своем стаканчике.

– Я не хочу... чтобы вы поняли меня неправильно.

Детектив ждала.

– Анджела очень замкнутый... сдержанный человек. Она не замужем, но у меня нет ни малейшего понятия, в разводе ли она, овдовела – или просто одинока. Может показаться странным, что мне не удалось это выяснить за шесть лет, но она не из тех, кого можно просто спросить, а сама она никогда о себе не говорит. Она по-настоящему дружелюбный человек, но мало что рассказывает, и с ней очень просто переступить черту. Вы можете задать вопрос или сделать какое-нибудь замечание, на которые обычный человек отреагирует как на что-то само собой разумеющееся, но вот она может просто закрыться, понимаете? Вы можете заметить это в ее глазах... предупреждение. Не ходи туда. Как будто ворота опускаются. Так что я никогда не была у нее дома, и, насколько мне известно, никто из других сотрудников – тоже. Ну и... на самом деле я и звонить бы ей не стала. Телефонный звонок – это тот максимум, на который я была способна. Это так нелепо.

– На самом деле нет. Есть очень много таких людей. Судя по моему опыту, они зачастую целенаправленно живут очень уединенно. Еще они часто создают впечатление, будто что-то скрывают – какую-то страшную тайну, но это очень редко оказывается правдой, обычно это просто ширма. Может быть, вы знаете что-нибудь о ее семье?

– Нет. Она никогда не упоминала ничего такого.

– У нее были какие-нибудь заболевания... депрессия?

– Нет. Она определенно ничем не болела – может, пару раз схватила простуду. В таких случаях я прошу сотрудников оставаться дома. У нас очень хрупкие подопечные.

– Может быть, было что-то, что могло не позволить ей пойти на работу внезапно – диабет или проблемы с сердцем?

– Нет. Я бы знала, из-за специфики ее работы. Ничего такого.

– Какого она возраста?

– Пятьдесят три года.

– Вы уже наверняка обдумывали это про себя, но не появилось ли что-нибудь, что вы могли бы охарактеризовать как изменение или странность в поведении мисс Рэндалл, за последние несколько недель... пару месяцев, может?

Кэрл заколебалась. Что-то было. Было ли? Что-то... и ничего. В комнате было очень тихо. Детектив Грэффхам ничего не перебирала на столе и не писала, она просто сидела и неотрывно смотрела на Кэрл, нервируя ее.

– Это довольно сложно объяснить...

– Продолжайте.

– Она ничего такого не говорила... Вы должны это понимать. Это просто... просто ощущение. У меня было какое-то странное впечатление.

– Это обычно бывает очень важно.

– Не хотелось бы придавать этому слишком большое значение... все слишком смутно. Но один или два раза я подумала, что она кажется какой-то... далекой? Отстраненной? Я не знаю... как будто она была где-то за много миль отсюда. Я никогда не замечала за ней ничего такого раньше. Она всегда была очень собранной. Послушайте, пожалуйста, не стоит придавать этому значение... это было только один или два раза, и я не имею в виду, что она вела себя странно, вовсе нет.

– Вы думаете, что-то ее беспокоило?

– Нет. Это не то, или мне кажется, что не то... Ох, я не знаю. Забудьте, что я это сказала. Это бессмысленно.

– Я так не считаю.

– Я должна была пойти к ней домой, да? А что, если ей внезапно стало плохо?

– Ну, вероятно, у нее есть соседи. Вас винить не за что.

– И что теперь будет?

– Мы ходим туда и посмотрим. – Она поднялась. – Но не беспокойтесь... пропавшие люди обычно отправляются куда-то по своей собственной воле по самым разным причинам личного характера. Они либо снова объявляются, как будто ничего не произошло, либо дают о себе знать. Очень, очень мало тех, кто оказывается в какой-то беде. Тем более не сознательные женщины средних лет.

– Спасибо за эти слова.

– Это правда, – молодая женщина коснулась ее руки. – И... – Она внезапно улыбнулась, и Кэрол поняла, что она была не просто красивой, она была сногшибательной – и прекрасной. – Вы пришли сюда. Вы сделали именно то, что нужно.

* * *

– У вас есть шестьдесят секунд, чтобы объяснить, почему мы должны отложить все текущие дела и заняться этим, Фрея.

Инспектор Билли Камерон развалился в своем кресле, заложив руки за голову и раскачиваясь взад и вперед; он был волосатым, грузным, потным мужчиной, больше напоминавшим медведя. Вся его поза выражала: «Удиви меня, убеди меня».

Фрею Грэффхам он напугать не мог. Она работала в уголовном розыске Лаффертона всего несколько недель, но быстро поняла, что инспектор был из того сорта полицейских, на которых она достаточно насмотрелась в полиции Лондона, когда только вступила в ее ряды, – огромных и громогласных, но мягких внутри. К тому времени когда она уходила оттуда, большинство из них уже вышли на пенсию, и их не спешили заменять такими же. Новенькие были совсем из другого теста. Она знала, что будет непросто обвести инспектора Камерона вокруг изящного пальца, но ей были известны обходные пути.

Со своей стороны, Камерон видел в ней молодую женщину, которая была крепче, чем казалась. Но Фрея Грэффхам уволилась из лондонской полиции по собственному желанию после двенадцати лет службы, променяв ее на маленький городок с собором, и он никак не мог понять, что же могло настолько выбить ее из колеи.

Но сейчас она явно была настроена на атаку.

– Анджела Рэндалл, женщина пятидесяти трех лет, которая жила настолько предсказуемой, упорядоченной и четко организованной жизнью, которую только можно себе представить, без семьи, без близких друзей... ни разу не подводила свою работодателя. Она ничем не болеет и, насколько нам известно, никогда не была в депрессии. Наши люди обнаружили, что все в доме было как с иголки: машина стоит в гараже, стол накрыт для завтрака, яйца в миске, хлеб в тостере. Она сделала себе чаю и выпила одну чашку, а в мусорном ведре была кожура от одного банана. В корзине для белья лежала ее униформа.

– Но мисс Рэндалл нигде не было, больной или здоровой.

– Нет.

– Соседи?

– Мало про нее знают. Она проводила много времени дома, но в одиночестве. Посетителей не было. Но, шеф, есть кое-что странное. Ребята сказали, что дом показался им каким-то... чудным.

Камерон приподнял бровь.

– Не в их духе нагонять на нас жуть.

– Я бы хотела съездить туда осмотреться.

Камерон посмотрел на нее. У нее это было – особый инстинкт, чутье, нюх на такие вещи... как это ни называй, но у Фрей Грэффхам это было, и сейчас ее от этого распирало, как обычно. Она далеко пойдет, если ей удастся сохранить это в себе, не теряя внимательности к деталям и способности к кропотливой работе, которые не позволяли ей утратить связь с

реальностью. Такая комбинация была большой редкостью, и он знал, что ему стоит держаться за нее, раз уж она попалась ему на пути.

– Ты знаешь так же хорошо, как и я, что, если ты не явишься оттуда сразу же с чем-то существенным и не будет намек на дальнейшую раскрутку дела, нам придется отправить его в папку с пропавшими людьми...

– Низкий приоритет... ничего не представляет опасности ни для сообщества, ни, насколько нам известно, для пропавшего... чье право пропасть, когда ему заблагорассудится, мы должны уважать. Да, да.

– Где-то у нее есть тайный возлюбленный, и они сбежали на выходные... или она прикончила себя.

– Хорошо, но ничего из этого не может объяснить, почему она так повела себя со своей начальницей.

Камерон посмотрел на часы.

– Это заняло у тебя три минуты, – сказал он.

– Я так понимаю, это да?

– Только одно, Фрея... Девяносто девять из ста пропавших людей оказываются тратой полицейского времени... Держи это в голове, если тебя вдруг понесет.

– Спасибо, шеф. Я не буду ничего выдумывать.

Фрея поехала прямо на Барн-клоуз, взяв с собой молодого констебля Нейтана Коутса, которого она сразу после прибытия отправила проверить гараж и автомобиль, а также сарай в саду, а потом обойти соседей. Фрея хотела оставить дом Анджелы Рэндалл для себя.

«Странновато» – так выразился один из патрульных, который побывал здесь до нее, и, как только Фрея осторожно закрыла за собой дверь и оказалась в маленькой прихожей, она четко поняла, что он имел в виду. Но в доме не было ничего зловещего, это она почувствовала сразу, просто здесь было невероятно тихо, и эта тишина была очень характерная, глубокая, такая, какую Фрея редко встречала в домах раньше. Как будто тяжелые, плотные гардины окружили ее, непроницаемые и висящие в несколько слоев.

Что за женщина живет – или, может быть, жила – здесь? Она медленно переходила из комнаты в комнату, пытаясь выстроить ее образ. Очевидно, она была аккуратной, чистоплотной, внимательной и педантичной. Это был невзрачный маленький домик и какой-то безликий, как будто старый дом-образец, в котором никто никогда не жил. Мебель была не уродливая, но совершенно не запоминающаяся, такую мог выбрать кто угодно. За этой обстановкой не чувствовалось персонального вкуса. Стиль был не классический, но и не особо современный, цветовая гамма была бледная и невыразительная. Фрея один за другим открывала шкафы и ящики: посуда, столовые приборы, постельное белье, благотворительные каталоги; в маленьком бюро лежали какие-то бумаги, скрепленные вместе и упорядоченные: банковские выписки, платежные ведомости, сберегательная книжка строительной компании, на которой лежало тысяча двести тридцать шесть фунтов и девяносто восемь пенсов, счета за электричество – оплаченные и с прикрепленными чеками. На полках в гостиной стояло несколько ничего из себя не представляющих книг – атлас, словарь, полный кулинарный курс Делии Смит, справочник по полевым цветам и пара триллеров Дика Фрэнсиса.

– Ну же, ну же, – бормотала Фрея, – дай мне хоть что-нибудь.

Того, что могло бы быть значимым, здесь не было, тут не было вообще ничего личного – ни фотографий, ни писем, ни праздничных открыток от друзей. В ее сумке, которую патрульные нашли на стуле в кухне, не было ничего, кроме кошелечка с мелочью, бумажника с парой карточек и двадцатью фунтами, очков, аспирина, салфеток и запечатанного письма с чеком для какой-то каталожной компании. В записной книжке рядом с телефоном значился сантехник, электрик, доктор, дантист, иглотерапевт, дом престарелых «Фор Уэйс», рядом с которым была приписка с личным номером Кэрол Эштон, и еще «С. Грабб – грузчик». У Анджелы Рэн-

далл, очевидно, не было ни одного родственника, друга или, например, крестника. Как кто-то вообще мог жить такой унылой жизнью?

Фрея поднялась наверх.

В ванной были простые, базовые предметы гигиены из «Бутс»⁴. Она взяла с полки самый обыкновенный шампунь для волос, белое туалетное мыло. Здесь не было места излишествам. Комнатой для гостей явно никогда не пользовались – кровать была не застелена, а в шкафу лежали только пара покрывал и подушек плюс два чемодана. Значит, Анджела Рэндалл не уехала на выходные. В комнате было жутко холодно. Во всем доме было холодно.

В хозяйской спальне в гардеробе висела одежда, которая едва ли выдавала вкус хозяйки сильнее, чем все остальное, – бежевое пальто, коричневая юбка, синий джемпер, черный костюм, костюм песочного цвета, хлопковое платье с цветочным узором, белые и лимонные, голубые и серые хлопковые рубашки. Но тут было два спортивных костюма хорошего качества из специализированного магазина и пара новеньких кроссовок для бега, еще не вынутых из коробки, довольно дорогих.

До этого момента ментальный портрет Анджелы Рэндалл в голове у детектива Грэффхам выглядел как чистый лист – как будто ее заставили собирать пазл, но не дали от него ни одного кусочка. Теперь у нее уже была парочка, и из них можно было что-то сложить. Одинокая женщина пятидесяти с лишним лет, среднего роста и веса, предпочитающая носить нейтральные цвета и фасоны, которые не способны привлечь ничье внимание, стала серьезной бегуньей, которая тратила сто пятьдесят фунтов стерлингов на пару обуви. Она представила себе, как отреагирует инспектор, если она представит этот факт как единственную полученную информацию.

Она уже собиралась закрыть дверь гардероба и спуститься вниз, чтобы встретиться с констеблем Коутсом, когда ее взгляд что-то зацепило, блеснув в самой глубине шкафа. Она протянула руку.

Это была маленькая коробочка, упакованная в золотую бумагу, с золотой ленточкой, завязанной сверху в сложный бант. К ней прилагался золотой конвертик. Фрея открыла его.

Для тебя, со всей возможной любовью и преданностью, от Меня.

Фрея взвесила упаковку в руке. Она была нетяжелая, ничем не пахла и в ней ничего не копошилось.

Но был этот подарок для Анджелы Рэндалл или от нее?

Она спустилась вниз и вышла из парадной двери на свежий воздух, когда констебль уже поднимался вверх по дорожке.

– Чем-нибудь порадуешь?

– Не особо. Соседи, которые оказались дома, сказали, что она всегда была любезной, предпочитала проводить время одна и что никаких гостей они у нее не припомнят... Единственное, леди из дома на углу, миссис Сэведж, сказала, что полгода назад или около того Анджела Рэндалл начала бегать.

– Да, у нее в гардеробе есть спортивные костюмы и пара новеньких дорогих кроссовок для бега... отличная экипировка.

– Она выходила из дома каждое утро в одно и то же время вне зависимости от того, вернулась ли она с ночной смены или только проснулась.

– И куда же она направлялась?

– Обычно она поднималась на Холм, только если было не слишком влажно, тогда она бегала вниз, по дороге.

---

⁴ Boots («Бутс») – сеть розничных магазинов товаров для красоты и здоровья и аптек в Великобритании. (Здесь и далее прим. пер.)

– И когда миссис Сэведж последний раз ее видела?

– Она почти уверена, что в то самое утро, когда Анджела вернулась с последней смены, на которой, по словам миссис Эштон, она появлялась... Миссис Сэведж с тех пор не видела ни ее, ни каких-либо признаков активности в доме. Она думала, что та уехала.

– Она видела, как Рэндалл вернулась с пробежки тем утром?

– Она не помнит, но говорит, что не сидит дома безвылазно... Миссис Сэведж три раза в неделю уходит из дома утром, чтобы сесть на ранний автобус и навестить дочь или сходить на ярмарку выходного дня... так что Рэндалл могла вернуться домой незамеченной.

– Или не вернуться. Еще что-то?

– Нет.

– Ладно, давай возвращаться. Мне нужно открыть подарок.

Час спустя золотая коробочка лежала на столе Фрей Грэффхам, сияя, будто дар от трех волхвов из рождественской постановки.

После возвращения она проверила последние отчеты. Данные Анджелы Рэндалл занесли в базу данных пропавших людей, а ее описание уже распространили по госпиталям.

Помимо всего прочего, Фрея рассчитывала найти в доме хотя бы сравнительно недавнюю фотографию для незамедлительного размещения на официальном сайте Полицейских сил графства. Таковой там не оказалось, как и никаких новых сведений.

– И тела нет, – сказал инспектор, проходя мимо ее кабинета.

– Будет.

– У тебя предчувствие?

– Кажется, у нее была довольно одинокая жизнь... Если бы я жила в таком стерильном ящике, как этот, и, что очевидно, не имела бы ни одного друга или любимого человека на всем белом свете, я бы бросилась под поезд.

– Из-под которого ее бы вытащили уже несколько дней назад.

Фрея снова придвинула к себе посылку.

Для тебя, со всей возможной любовью и преданностью, от Меня.

– Так что я оставляю тебя, чтобы ты ее открыла.

Фрея колебалась. Прийти в дом Анджелы Рэндалл, даже рыться в ее ящиках и шкафах – это была работа; она не чувствовала, что вторглась в чью-то частную жизнь, потому что в этом доме не было ничего настолько личного или интимного, чтобы заставить ее почувствовать, будто она что-то вынюхивает. Поиск контактного лица, или адреса, или какой-то другой подсказки для ответа на вопрос, куда могла отправиться женщина, был рутиной. Но открыть эту так помпезно запакованную посылку казалось нарушением приватности: чем-то, против чего Рэндалл стала бы сильно возражать.

Фрея все еще сомневалась, поглаживая большим пальцем металлизированную бумагу, когда взяла в руку канцелярский нож и поднесла его к тщательно закрепленным уголкам упаковки. Края золотой бумаги развернулись, обнажая золотую коробку. Внутри нее, под прозрачным пергаментом, в глубокой подложке из синего бархата лежала пара золотых запонок, инкрустированных ляпис-лазурью.

Значит, не *для* Анджелы Рэндалл, а *от* нее: «Для тебя», для неизвестного мужчины, «со всей возможной любовью».

Фрея посмотрела на запонки, на коробочку, на крышку, отделанную шелком, на пергамент... на ее столе лежала раскрытая сокровенная тайна. К тому же печальная тайна – экстравагантный подарок от одинокой женщины на излете среднего возраста... кому? Не родственнику. Любовнику? Очевидно. Но если так, то почему больше ничто не указывало на присутствие мужчины в жизни Анджелы Рэндалл?

Она пошла за кофе из автомата. Не имея ни зацепок по поводу местонахождения или передвижений женщины, ни свидетельских показаний, ни предсмертной записки, ни тела, она, как и сама прекрасно понимала, никак не могла оправдать дальнейшую трату времени на это дело... вероятно, она уже и так потратила на него слишком много времени. Анджела Рэндалл исчезла, и, пока она не объявится где-нибудь в том или ином виде, она будет оставаться всего лишь числом, которое ей присвоили... Пропавший человек ВН140076/СТ.

Шесть

Последняя неделя перед Рождеством, ночи холодные и ясные, и перед рассветом склоны Холма покрыты тонкой корочкой льда, а Камни Верна блестят от инея, будто полоски слизи, оставленные улитками. В это время земля еще слишком скользкая, и бегунов нет, но молодые люди на горных велосипедах уже преодолевают склон за склоном, и пар от их дыхания клубится в морозном воздухе.

Женщина с доберманами пока не на Холме, но Джим Уильямс с йоркширом здесь, потому что ему не спится. Последнюю неделю или две он начал приходить сюда все раньше и раньше, иногда задолго до рассвета, закутанный, как и его собака, в теплую одежду. Джим обещал своей сестре заботиться о Скиппи, хотя понимал, что никогда не полюбит эту собаку, у которой неприятно пахнет изо рта и которая тявкает на него, когда он надевает ошейник. Но Фил не могла спокойно умереть, пока не была полностью уверена, что Скиппи не отдадут незнакомцам или не усыпят.

Этим утром велосипедисты носились на жуткой скорости с опущенными головами. Пока не было бегунов, чтобы за ними гоняться, и других собак, Скиппи можно было спустить с поводка, хотя Фил никогда в жизни этого бы не сделала. Она слишком заботилась об этой собаке, не отпускала ее от себя, словно это был ребенок, а не животное; но это делало ее счастливой.

А теперь Джим просто наблюдал, как маленькая собака пускается быстрой рысцей в густые заросли, а потом выбегает оттуда и кидается на деревья. Ему казалось, что теперь Скиппи живет лучше, свободнее, наслаждаясь тем, чем должно наслаждаться животное.

Ветер острыми лезвиями хлестал его по лицу, пока он стоял здесь, на вершине Холма; вскоре совсем рассветет, а вид на Лаффертон – на темную полосу реки и на собор, возвышающийся на фоне холодного неба, – стоит и того, чтобы подняться, и того, чтобы померзнуть. Но вот откуда-то со стороны дорожек внизу Джим услышал лай доберманов.

– Скиппи... Скиппи... – он услышал свой собственный голос, звенящий в морозном воздухе, и свой свист, из-за которого снова оживились доберманы: – Сюда, мальчик... Скиппи...

Но маленького терьера нигде не слышно и не видно, только гавкающие доберманы становились все ближе, взбегая вверх по склону, а внизу, на дороге, раздавалось тихое ворчанье удаляющегося автомобиля.

Семь

Кэт Дирбон стояла у окна своей приемной и смотрела сквозь полоски жалюзи на стоянку стационара. Дождь струился по стеклу. Было почти девять часов, но до конца так и не рассвело.

Было утро понедельника – все часы приема на сегодня были расписаны, также ее ждали две встречи с торговыми представителями фармакологических компаний, дневной визит в пренатальный центр, а еще она должна была отвести Ханну к дантисту после школы... и она считала что и не начинала готовиться к Рождеству. Но все это не очень сильно ее беспокоило на фоне того, что сегодня был прием у Карин Маккафферти.

Кэт резко отпустила шторы жалюзи, и они стукнулись друг о друга. «Я не смогу это сделать», – думала она про себя, а эта мысль посещала ее настолько редко, что одно ее появление беспокоило ее.

Карин Маккафферти было сорок четыре, и она стала другом семьи после того, как мать Кэт, доктор Мэриэл Серрэйлер, пригласила ее, чтобы привести в порядок сад в Галлам-хаус.

Сейчас она так и стояла у нее перед глазами – высокая, с непокорной копной рыжих волос, с длинным овальным лицом и нежной кожей кремового цвета. Ее лицо было простым, но почему-то очень запоминающимся. Карин отказалась от серьезной карьеры в банковской сфере, чтобы стать ландшафтным дизайнером и выращивать цветы, и эта перемена очень повлияла на нее, как она сама всегда говорила. Ее новая карьера расцветала вместе с ее морозоустойчивыми растениями. Дорогие журналы по садоводству время от времени публиковали фото с ее работами, а один ее сад даже показали по телевизору.

Карин была замечательной собеседницей, она интересовалась еще множеством вещей помимо садоводства. Они с ее мужем Майком Маккафферти – глуповатым, по мнению Кэт, – были женаты уже двадцать два года. Детей не было. «Мы испробовали все прямые и обходные пути, но так и не достигли цели; ЭКО тогда еще совсем редко давал положительный результат, а я хотела только собственного ребенка – усыновить бы я не смогла».

Сэм Дирбон обожал Карин, хотя Ханна быстро уставала от нее: «Она слишком любит командовать».

– Что правда, то правда, – отвечала она, когда ей об этом говорили.

Карин Маккафферти. Рентгеновский снимок и заключение онколога Бевхэмской центральной лежали у Кэт на столе.

– Ты не должна позволять пациентам становиться друзьями, – сказал ей Крис накануне вечером. Вероятно, он был прав, но отстраненность – это не то, в чем Кэт была сильна. Она принимала проблемы и трудности пациентов близко к сердцу, так же как и их радости, и не хотела меняться. Но иногда это приводило к тяжелым разговорам, типа того, который предстоял ей с Карин.

Телефон на ее столе зазвонил.

– Прошло уже почти пятнадцать минут... – Это была Джин с ресепшен.

– Прошу прощения, прошу прощения... приглашай.

Она отодвинула результаты Карин на край стола. Помимо этого в ее внимании нуждались еще четырнадцать человек. С улыбкой она посмотрела на первого из них, входившего в ее дверь.

Айрис Чатер постарела после смерти своего мужа. Но Кэт понимала, глядя сейчас на скорбную фигуру, входящую в кабинет, что этот процесс обратим. В данный момент шок и стресс от потери, слезы, недостаток сна и непривычное одиночество иссушили ее, вытянули из нее все жизненные соки. Но она была не настолько стара, чтобы время и отдых были неспо-

собны восстановить ее силы. Она вздохнула и села на стул. Ее глаза были пустыми, обращенными внутрь себя, – у нее был взгляд человека, недавно пережившего утрату.

– Как вы держитесь?

– Я справляюсь, доктор, я не так плоха. И я знаю, что Гарри сейчас хорошо, там. Я правда это знаю. – Ее грустные глаза наполнились слезами.

– Это тяжело. Конечно, это тяжело. – Кэт пододвинула к ней коробку с салфетками.

– Я все еще слышу его по ночам... Я просыпаюсь и все еще слышу его дыхание. Я чувствую его рядом с собой, в комнате. Полагаю, для вас это звучит как бред сумасшедшего.

– Нет, это звучит нормально. Я бы начала беспокоиться, если бы вы сказали, что этого не происходит.

– Значит, я не схожу с ума?

– Определенно нет.

Этот вопрос они всегда либо задавали прямо, либо оставляли висеть в воздухе непроговоренным, чтобы доктор сам его озвучил и сам же на него ответил. Айрис Чатер расслабилась, и на ее лицо вернулся слабый румянец.

– Не считая того, что вы скучаете по Гарри, как ваше собственное здоровье?

– На самом деле я просто устала. И много есть я тоже не могу. То хочется, то нет.

Она поерзала на стуле, подняла с пола свою сумку, а потом поставила ее на место. Кэт ждала.

– Гарри потерял аппетит.

– Я знаю. Он потерял его, потому что у него был рак, и он очень долго с ним боролся. А ваш вы потеряли, потому что вы переживаете. Не стоит об этом беспокоиться. Вы сказали, что вам то хочется есть, то нет, так что просто ешьте, когда вам угодно. Ешьте что вам нравится... Аппетит вернется в норму, когда ваш организм будет к этому готов.

– Понимаю.

– Вам тревожно оставаться ночью совсем одной в доме?

– О нет, доктор Дирбон. Он всегда здесь, со мной, понимаете... Гарри всегда рядом.

Как и многие другие пожилые пациенты Кэт, Айрис Чатер не была больна, ей просто нужны были слова поддержки и внимательный собеседник. Тем не менее Кэт чувствовала, что она что-то ей недоговаривает, обходя все ее ненавязчивые вопросы. Она подождала еще немного, но больше ничего сказано не было.

– Что же, заходите повидаться со мной еще через месяц. Я хочу знать, как вы справляетесь, и если вдруг в течение этого времени вам хоть что-нибудь понадобится...

Айрис Чатер медленно поднялась, собралась и уже пошла в сторону двери, как в самый последний момент повернулась.

– Есть что-то еще, на так ли? – мягко спросила Кэт.

Глаза женщины снова наполнились слезами.

– Если бы я только могла знать, доктор. Если бы я только могла быть уверена, что с ним все хорошо. Есть какой-нибудь способ узнать это наверняка?

– А вы не уверены? В своем собственном сердце? Ну что вы... Гарри был хорошим человеком.

– Был, был же? Он правда им был.

И все же она не уходила.

– Я вот думаю...

Она взглянула на Кэт, а потом быстро отвела взгляд. Что же это было, все никак не могла взять в толк Кэт, что же она хотела у нее спросить, в чем хотела удостовериться?

– Я тоже стала так странно дышать.

С Айрис Чатер все было в полном порядке. Она просто боялась... боялась умереть так же, как умер ее муж, и она была очень чувствительна после его смерти. Кэт провела быстрый

осмотр. У нее не было никаких симптомов, не было болей в груди или проблем с дыханием, и ее легкие были чистыми.

– Я не хочу выписывать вам снотворное или транквилизаторы. Я искренне полагаю, что они вам не нужны.

– О нет, я ничего такого и не хотела, доктор.

– Но вам надо успокоиться.

– Вот этого я как раз и не могу, понимаете?

– Вы когда-нибудь слушали такие записи для релаксации... с успокаивающей музыкой и дыхательными упражнениями?

– Как во всяких восточных религиях?

– Нет, они работают на самом элементарном уровне – просто помогают расслабиться.

Боюсь, что я не могу прописать их, но они продаются во всяких магазинах для здорового образа жизни. Они недорогие. Почему бы вам не сходить и не выбрать что-нибудь... не спросить, что они порекомендуют? Если вы купите одну такую запись и попытаете слушать ее хотя бы по пятнадцать минут в день, чтобы расслабиться, я думаю, вам это действительно поможет. Но вы потеряли мужа, с которым прожили пятьдесят лет, миссис Чатер. То, через что вы сейчас проходите, – это нормально. Вы не будете чувствовать себя как прежде еще некоторое время, вы должны это понять.

Остальная часть приемов была посвящена проблемам в диапазоне от большого горла и периодических болей до детских ушных инфекций и артрита.

Без двадцати двенадцать Джин принесла ей чашку кофе.

– Миссис Маккафферти только что подошла.

Последние загруженные работой часы Кэт удавалось отодвигать мысли об этом куда-то на периферию своего сознания.

– Дай мне пару минут.

Джин сочувственно улыбнулась ей, выходя из кабинета.

Как часто, думала Кэт полчасу спустя, пациенты помогали ей во время тяжелой консультации? Когда ее саму успокаивали люди, которым только что сообщили, что их болезнь неизлечима? Даже когда ей приходилось говорить родителям, что их ребенок скоро умрет, только чтобы услышать их заверения, что понимают, что она, доктор, сделала все, что в ее силах, и что она расстроена не меньше, чем они сами.

И сейчас Карин Маккафферти была спокойна, держала себя в руках – и сочувствовала ей.

– Это и для тебя паршиво... может быть, даже хуже, учитывая то, что ты знаешь пациента так хорошо, как меня, – это были первые слова, с которыми она обняла Кэт. – Но со мной все нормально. И мне очень понравилась доктор Монк.

Три недели прошло с тех пор, как Карин первый раз пришла в больницу по поводу уплотнения в груди, и Кэт тогда сразу заподозрила, что опухоль злокачественная, но была шокирована, увидев рентгеновские снимки, на которых было заметно еще и серьезное поражение лимфоузлов. Биопсия выявила особенно агрессивный вид рака.

И теперь Карин пришла после первой консультации с местным онкологом, доктором Джилл Монк, отчет которой Кэт уже видела.

– Ты представить не можешь, насколько мне жаль.

– Нет, могу... и смотри, что ты уже для меня сделала: добыла мне назначение на рентген и устроила встречу с врачом в мгновение ока, а я знаю, какую важную роль это может сыграть.

Карин выглядела веселой – слишком веселой, как подумалось Кэт.

– Ты только узнала, – произнесла она осторожно, – и нужно время, чтобы осознать, что происходит.

– О, я все прекрасно осознала, не волнуйся.

– Извини, я не хотела, чтобы это звучало покровительственно.

– Это так и не звучит. Люди склонны к тому, чтобы впадать в отчаяние... спрашивать: «Почему я?» Но почему не я, Кэт? Это случайность. После встречи с доктором Монк я вернулась домой, опрокинула огромный стакан виски и выплакала себе все глаза. Но на этом все. Так что давай поговорим теперь о том, что будет дальше.

Кэт взглянула на отчет онколога. Это было невеселое чтение.

– Операцию желательно сделать как можно скорее, и она должна тебе об этом сказать в ближайшее время... и в данном случае она не хочет особенно... осторожничать.

– Полная мастэктомия плюс гланды, да, она говорила.

– Потом, разумеется, химиотерапия, и, возможно, радиография – в зависимости от того, что она решит после операции. Есть еще вероятность, что понадобится двойная мастэктомия, ты знаешь об этом?

Карин молчала.

– Бевхэмская центральная больница имеет передовой опыт в онкологии, так что я не советую тебе идти в частную клинику... хотя если ты захочешь отдельную палату со всеми удобствами, то, конечно, заплати за нее. Я бы... если мне хватит духу, я бы взялась за это сама.

Кэт понимала, что мямлит. Карин действовала ей на нервы. Она сидела прямо, явно вполне уверенно себя чувствуя, и большую часть времени не сводила с Кэт глаз. Ее непослушные рыжие волосы были убраны назад в темную сетку с бархатной отделкой так, что крупное лицо было открыто: длинный нос, высокие скулы и лоб – это было интересное, умное лицо женщины, которая полностью довольна собой.

– Кэт, я обдумала все... как ты понимаешь, в последнее время я только этим и занималась. Я обдумала все очень тщательно, серьезно и осознанно. И я говорила с Майком. И сейчас вот что я тебе скажу. Я не хочу всего этого. Нет, погоди, дай мне договорить до конца. Единственное предложение доктора Монк, которое я действительно рассматривала, это операция. Я знаю, что это самая радикальная мера, но, как ни странно, этот вариант до сих пор кажется мне приемлемым... И я хочу оставить его как запасной. Но о химио- и радиотерапии я и слышать не хочу.

– Боюсь, я не совсем тебя понимаю.

– Я хочу пойти другим путем. Альтернативным, вспомогательным, называй его как хочешь. Более щадящим путем. Я думаю отправиться в Америку в клинику Герсона. Я абсолютно уверена, что это для меня наилучшее решение... умом, сердцем... все подсказывает мне это. Я не буду отравлять свое тело и уничтожать иммунную систему токсинами и не хочу получать огромные дозы радиации. Я насчет этого вполне уверена, но ты мой лечащий врач, и, конечно же, я выслушаю то, что ты мне скажешь. Я не дура.

Кэт поднялась и подошла к окну. Стоянка была почти пуста. Все еще лил дождь.

– Ты говорила что-нибудь из этого Джилл Монк?

– Нет. В тот момент я еще как следует это не обдумала. Кроме того, я не думаю, что она отнеслась бы с пониманием.

– Думаешь, я отнесусь?

– Кэт, каковы бы ни были последствия, это мое тело, моя болезнь, мое решение, и мне с этим жить. Или не жить, что более вероятно. Как бы то ни было, они не твои, так что не беспокойся.

– Черт возьми, естественно, я беспокоюсь! Мое образование, мои знания, мой опыт и инстинкты подсказывают мне, что беспокоиться стоит, потому что ты неправа. Абсолютно неправа.

– Ты умываешь руки?

– Послушай, Карин, ты моя пациентка, и это моя работа – дать тебе профессиональный совет и консультацию. Также моя работа – поддерживать тебя во всех твоих решениях, свя-

занных с лечением, потому что, в конце концов, эти решения всегда принимает пациент. И ты мой хороший друг. И чем четче я буду уверена в том, что ты принимаешь неверное решение, тем более серьезной должны быть мои поддержка и помощь. Это ясно?

– Извини. Просто ты будешь мне нужна.

– Буду.

– Я просто не думала, что ты будешь настолько радикально против альтернативных методов.

– Я не против, в некоторых обстоятельствах даже совсем наоборот. Я посылаю пациентов к Нику Гайдну на сеансы остеопатии и к Эйдану Шарпу, который занимается акупунктурой. Он способен творить чудеса в довольно сложных случаях. Только что я послала скорбящую леди, которая не может спать и чувствует постоянную тревогу, за записями для релаксации... А ароматерапия с массажем – это вообще замечательная штука. Но ничего из этого не лечит от рака, Карин. *Большее*, что может сделать для тебя вспомогательная терапия, – это помочь пройти через настоящее лечение, может быть, улучшить твоё общее состояние и в целом поднять настроение.

– Так почему бы мне просто не сходить на макияж и не сделать маникюр?

Карин встала. Кэт понимала, что расстроила ее и обернула против себя, и злилась. Она проводила Карин до дверей.

– Пообещай мне хотя бы, что как следует об этом поразмыслишь.

– Поразмыслию. Но я не передумую.

– Не сжигай за собой мосты, не закрывай для себя никаких дверей. Разговор тут идет о твоей жизни.

– Именно.

Но потом Карин развернулась и снова тепло и искренне обняла Кэт, прежде чем спокойно и твердо выйти из медицинского кабинета.

– Ради всего святого, Кэт, ты не можешь вот так просто с этим смириться, – Крис Дирбон смотрел в глаза Кэт через кухонный стол, за которым они сидели и пили чай тем же вечером. Он только что вернулся с вызова.

– Ты думаешь, я должна попросить ее сменить лечащего врача?

– Нет, я имею в виду, что тебе нужно приложить больше усилий, чтобы убедить ее, что она пошла не по той дороге... это не вариант, и ты это знаешь... она не может позволить себе роскошь выбирать.

Крис был категорически против любых форм альтернативной медицины, за исключением остеопатии для собственной больной спины.

– Мне это не нравится, конечно, мне все это не нравится, но она была очень серьезно настроена, а ты знаешь Карин.

– Наверное, она еще не до конца все осознала.

– А я думаю, что осознала. Если мне нужно будет помогать ей, мне придется как-то изучить вопрос... Во всяком случае, оградить ее от совсем уж психопатов.

– Не думаю, что тебе стоит даже начинать подыгрывать ей. Ей нужна операция и химиотерапия. Что вообще на тебя нашло?

– Думаю, это просто Карин.

Крис поднялся и поставил чайник обратно на плиту.

– Просто сейчас это повсюду. Эти лунатики из Старли-Тор...

– Ой, это просто нью-эйджеры⁵, у них в голове вообще ничего нет, кроме кристаллов и энергетических линий.

---

⁵ Нью-эйдж (англ. New Age, «новая эра») – общее название различных мистических течений и движений, в основном

– А в чем разница? Дай Карин Маккафферти волю, и она начнет плясать вокруг Стоунхенджа на восходе.

Когда Крис уехал на очередной вызов, Кэт приняла ванну и улеглась в постель, водрузив на колени ноутбук. «Рак», – набрала она в «Гугле». «Терапия. Альтернативная. Вспомогательная. Герсон».

Полтора часа спустя, когда Крис вернулся домой после того, как отправил подростка с острым аппендицитом в больницу, она уже была глубоко погружена в исследовательскую статью, где обсуждался эффект постоянной программы медитации и визуализации для больных раком в Нью-Джерси.

Она исписала несколько страниц блокнота, который лежал на подушке рядом с ней. Она поняла, что как минимум одно она может сделать для Карин Маккафферти – принять ее всерьез.

Запись

Когда я здесь с тобой разговариваю, у меня такое ощущение, будто я в исповедальне. Я облегчаю себе душу, рассказывая все. Разница только в том, что я не прошу тебя простить меня. Все должно быть совсем наоборот.

Но мне станет легче, когда ты обо всем узнаешь. Некоторые секреты из прошлого стали слишком тяжелой ношей, чтобы нести ее одному, но на меня давит совсем не чувство вины, нет, это просто знание.

Сегодня я собираюсь раскрыть тебе секрет, груз которого я нес не в одиночестве. Я с самого начала разделил его с тетей Элси. Она унесла его в могилу, как она мне и сказала. Дядя Лен, конечно, знал, но ты помнишь, какой он был тихий, никогда ничего не говорил, пока она ему не скажет.

Это случилось в очередной раз, когда я оставался у них. Ты знала, как мне там нравилось, как я каждый раз спрашивал, когда снова смогу там побыть. Я хотел там жить. Мне нравилось бунгало, потому что это было бунгало, там не было лестниц. Я любил завтраки, которые она готовила мне каждое утро, и маленький стеллаж сбоку от телефона, рядом с которым я сидел на полу и читал «Ваше тело, здоровое и больное» Доктора Робертса. Я столько узнал из этой книги. Она помогла мне определить мою судьбу.

Я любил тихонько приоткрывать дверь своей спальни и слушать шепот разговоров в гостиной прямо по коридору и голоса из радиоприемника.

Так я впервые услышал об Артуре Нидхэме. Я слышал это имя по радио, а потом, как они говорили о нем, так что он стал загадочной фигурой из моих снов.

«Кто такой Артур Нидхэм?» – как-то спросил я посреди завтрака, доедая свой омлет.

Тетя Элси и дядя Лен посмотрели друг на друга. Я и теперь вижу этот взгляд. Он нахмурился, и меня послали чистить зубы. Но чуть попозже она сказала мне: «Ты довольно скоро все равно бы узнал, так что я расскажу тебе. Ты уже достаточно взрослый, чтобы знать».

Тон ее голоса в этот момент изменился, он шел будто бы откуда-то из глубины горла, хотя она не шептала. И я уловил в нем возбуждение. Она получала от этого удовольствие, несмотря на мрачное выражение лица.

Артур Нидхэм был мелким лавочником, который женился на вдове с небольшим состоянием и через год убил ее. Когда он обнаружил, что на самом деле она завещала все деньги не ему, как обещала, а своей единственной дочери, он убил и дочь.

Меня сразу же охватил интерес.

– Где Артур Нидхэм сейчас?

– В камере для приговоренных.

Я хотел знать, я хотел знать все. Искра ее возбуждения перекинулась на меня и зажгла что-то, что уже никогда не погаснет.

– Он мерзкий, злой человек, и я буду там, я буду смотреть, пока не буду уверена, что его наказали и что правосудие свершилось.

– А что будет?

– Его подвешат за шею, и он умрет. – Ее лицо тоже изменилось, ее глаза были слегка навывкате, а губы крепко сомкнулись в тонкую бескровную линию.

– Ты можешь пойти со мной, – сказала она.

Четыре дня спустя, когда она укладывала меня спать, она послушала, как я читаю молитвы, и сказала:

– Это будет завтра утром. Если ты все еще хочешь пойти.

– В тюрьму, где вешают?

– Ты можешь передумать, стыдиться тут нечего.

– Я пойду с тобой.

– Тебе будет полезно увидеть зло поверженным.

Я, конечно, ее не понял, но знал, что хочу быть там.

– Я разбуджу тебя, – сказала она, – рано. А сейчас ты должен дать мне торжественное обещание.

– Я обещаю.

– Что ты никогда не обмолвишься ни словом, ни с одной живой душой по поводу того, что ходил со мной и куда и что ты видел. Твоя мать никогда мне не простит. Так что пообещай. Ни слова.

– Ни слова.

– Ни одной живой душе.

– Ни одной живой душе.

Я помню, что добавил:

– Аминь.

Моя тетя вышла из комнаты, и я лег на спину, думая, что точно не засну, так мне хотелось пойти в тюрьму, где вешают. И не хотелось. «Ни одной живой душе», – пообещал я.

Я сдержал свое обещание. Но сейчас теперь уже можно, так ведь? Я могу наконец рассказать тебе, и обещание не будет нарушено.

На улице была густая, как смола, темнота, когда тетя Элси разбудила меня раньше шести часов на следующее утро, но мне дали чашку сладкого горячего чая перед тем, как мне пришлось выбираться из постели, а потом – жареное яйцо в плотном сэндвиче с двумя хрустящими тостами.

Когда я закрываю глаза, я могу услышать запах того утра – тогда дым из всех труб сгустился у меня во рту, холодный из-за лютого мороза. Я все еще могу почувствовать руку тети Элси в своей, и ее жесткие кольца, утопленные в мягких пухлых пальцах.

Мы спустились по Помфри-стрит, а потом по Бельмонт-роуд к трамвайной остановке, и в это время улицы уже были заполнены женщинами, которые шли на фабрики, держась за руки, иногда по три или по четыре в ряд, все в косынках, и мужчинами в кепках, в основном на велосипедах. Дым от их сигарет смешивался с дымом из труб. Трамвай был забит и пах человеческим телом. Меня стиснуло между двух огромных женщин, и их грубые пальто терлись о мои щеки. Мы сделали пересадку, и когда мы оказались в другом трамвае, я сразу

почувствовал это – что-то в нем было не так, люди сидели тихо и неподвижно, и их глаза мне показались очень большими. Мы все ехали в тюрьму. Меня качнуло в сторону каких-то женщин, и все на меня посмотрели.

– Странное место, чтобы брать туда ребенка, – сказал кто-то.

– Я не понимаю почему. Они должны сознавать, что в мире есть зло.

Люди в трамвае начали занимать ту или иную сторону в этом споре, но тетя стиснула мою руку, словно мясорубка – кость, и не говорила ни слова. Мне стало плохо или, может быть, страшно. Я не знал, что может произойти.

Трамвай остановился, и все вышли. Я оглянулся на него – на эту тускло светящуюся «гусеницу». Но все же, на что я обратил наибольшее внимание, что я запомнил ярче всего, это были звуки... шаги всех этих людей по черной улице к огромной темной громадине с отвесными стенами и башенками, словно у крепости.

– Тюрьма, – сказала тетя Элси низким, хриплым голосом.

Шаги – раз-два, раз-два, раз-два. Небо над тюрьмой начинало становиться серым, по мере того как приближался рассвет. В туманном воздухе чувствовалась сырость, хотя дождя не было.

Раз-два. Раз-два. Раз-два.

Никто не разговаривал.

Мы присоединились к толпе, которая уже стояла здесь, в десяти шагах от высоких железных ворот.

– Тут есть часы. Так мы узнаем.

Я посмотрел наверх, хотя и не понял ее, и увидел спины людей, темные пальто, шарфы, фетровые шляпы.

– Давай-ка мы тебя приподнимем, а то ты ничегошеньки не увидишь.

И меня подняли на мясистое плечо незнакомца. Грубая ткань его куртки терлась о мое бедро, но теперь я мог видеть поверх голов, в свете медленно поднимающегося тусклого солнца, и железные ворота, и башню, и часы цвета кости с черными стрелками. Пока я смотрел, вторая стрелка пододвинулась на пункт ближе к восьми часам, и позади меня и везде вокруг раздался легкий гул, словно нахлынула морская волна, но потом откатилась обратно.

Мне было страшно. Я все еще не мог и предположить, что будет дальше, но я был уверен, что они выведут Артура Нидхэма на тюремную башню и повесят его там, прямо перед всеми. Я не мог понять, как целая толпа сможет зайти внутрь самой тюрьмы, чтобы наблюдать, как я наблюдал в смотровую трубу представление на пирсе. Я не знал, хочу ли я увидеть повешение или нет. Камера для приговоренных, вот что занимало мои мысли. Я хотел увидеть ее, быть там вместе с Артуром Нидхэмом.

Часы снова продвинулись вперед. Потом, где-то позади нас, кто-то начал петь, и постепенно толпа это подхватила, пока не стали петь все, только тихо. Гулкая низкая вибрация гимна заставила меня содрогнуться.

Пребуди со мной!

Уж свет сменился мглой.

Густеет тьма.

Господь, пребуди со мной!⁶

Они пропели еще один куплет, а потом довольно внезапно остановились, как будто где-то стоял дирижер, который подал сигнал. А после этого воцарилась такая тишина, с какой я раньше не сталкивался.

---

⁶ «Пребуди со мной» (Abide with me) – церковный гимн, слова Генри Фрэнсиса Лайта (Henry F. Lyte, 1793–1847).

Стрелки часов встали на восемь. Мужчина, на чьих плечах я сидел, крепко сжал мои ноги. Я вглядывался и вглядывался в башню. Было похоже, что все в толпе перестали дышать, и серое небо слегка светилось за темной тюремой.

Ничего не произошло. Никто не вошел на башню. Я прищурился на тот случай, если просто не разглядел все как следует, но там все так же ничего не было, совершенно ничего, и достаточно долго, и все же странная и пугающая тишина продолжала висеть в воздухе.

А потом я увидел мужчину в форме, который шел по тюремному двору к воротам и держал белый листок бумаги в руке. В передних рядах послышался шум, и шепот распространился по толпе, как пожар. Человек вышел из маленьких воротец внутри больших и прикрепил лист бумаги к доске. Шум возрастал. Люди что-то говорили друг другу и передавали это все дальше и дальше, а потом мужчина резко снял меня со своих плеч, так что я почувствовал, что мне нехорошо.

– Скажи спасибо, – сказала тетья Элли.

Я не знал, за что мне надо его благодарить. Я ничего не видел. Ничего не случилось. Так я и сказал тете.

– Мерзкого, злого человека повесили, и он умер, и ты был здесь, ты был свидетелем, ты видел, как свершается правосудие. Никогда не забывай этого.

Восемь

Айрис Чатер сказала доктору Дирбон, что она устала, но она не смогла найти слов, чтобы передать, насколько устала. Каждый день после смерти Гарри превращался в схватку с изнеможением, которое затуманивало ее мысли и, казалось, наполняло ее конечности влажным песком. Когда она отправлялась по магазинам – а она всегда выбирала те, которые были поблизости, в центре Лаффертона она не была уже несколько недель, – у нее было ощущение, что она может прямо сейчас лечь на тротуар и тут же заснуть.

А сейчас она лежала на диване в гостиной. Была середина декабря. Усталость только усугубилась, несмотря на то что она проспала два часа. Трещал огонь, шторы были наполовину опущены. Птицы молчали под своим покрывалом.

Она заметила, что снаружи стало темно. Это было одно из самых неприятных в жизни в одиночестве теперь, в самом конце года, – темнота наступала рано и держалась до позднего утра, делая дни короткими, а ночи – бесконечными.

Но всего на секунду, когда она согрелась под одеялом, ей стало хорошо и как-то странно радостно. Комната как будто бы держала ее в теплых объятиях, и тепло облегчило артрит в ее коленях. А приятнее всего было чувство, которое приходило и уходило всегда так неожиданно. Будто Гарри был в комнате, с ней. Подождав секунду, она произнесла его имя вслух – тихо, неуверенно, испугавшись звука собственного голоса.

– Гарри?

Она ничего не услышала, но знала, что он ей ответил. Она протянула руку.

– Ох, Гарри, милый, это тяжело, это так тяжело. Я знаю, что ты счастлив и тебе больше не больно, и я очень этому рада, конечно же, рада, но только я очень сильно скучаю по тебе. Я и не думала, что мне придется так тяжело. Ты же не уйдешь от меня насовсем, правда? До тех пор, пока я знаю, что ты тут, со мной, вот так, у меня получается справляться.

Ей хотелось, чтобы он сел на стул напротив нее, чтобы она могла увидеть его, а не просто чувствовать его присутствие, чтобы он мог показать ей, что с ним все хорошо и он не изменился.

– Я хочу видеть тебя, Гарри.

Внезапно пламя вспыхнуло, и на секунду огонь стал синим. Она затаила дыхание, полная желания и мольбы.

Он был здесь.

– Я хочу видеть тебя, – громко взвыла она, и внезапная холодная уверенность в том, что этого не будет, и разочарование от этого, стали такими же горькими и острыми, как и в самом начале.

Стук в заднюю дверь испугал ее, но потом она услышала, как ее зовет Полин Мосс, и начала с трудом подниматься с дивана.

– Я в порядке. Я здесь.

Полин была хорошей соседкой, хорошим другом, но иногда ее присутствие было совсем не необходимо. Бывали дни, когда Айрис думала, что предпочла бы больше не видеться и не разговаривать ни с одной живой душой.

– Я сделала булочки в глазури. Мне поставить чайник?

Айрис Чатер вытерла глаза и водрузила на место свои очки, зажгла лампу. Ну что же, ей очень повезло, так она подумала. Как же живется тем, у кого нет соседей, которые за ними присматривали бы и могли разделить с ними чашечку чая?

– Здравствуй, дорогая, – ой, я тебя не разбудила? Я прошу прощения.

– Нет, нет, я просто прилегла и задумалась. Самое время мне было встряхнуться. – Она прошла за Полин на кухню. – Ты молодец.

Поднос был накрыт, тарелка с теплыми булочками в глазури стояла на плите.

– Нет, я – эгоистка. Мне просто очень хотелось этих булочек, и ты дала мне повод. Я теперь никогда не сброшу лишний вес, учитывая, что Рождество на носу. Я уже достала свою форму для пирога, пока делала булочки. Не хочешь походить со мной по магазинам в субботу, когда я буду выбирать фрукты?

Рождество. Айрис посмотрела на вышитые люпины на салфетке, накрывавшей поднос. Рождество. Это слово не значило ничего. Она не хотела ни думать о нем, ни вспоминать, даже пытаться.

Полин подняла поднос.

– Ты принесешь чайник?

Она встала, и боль раскаленными до бела вертелами пронзила ее колени с такой силой, что ей пришлось ухватиться за край стола, пытаясь выровнять дыхание. Полин внимательно на нее взглянула, но ничего не сказала и молчала до тех пор, пока они не устроились напротив огня и булочки в глазури не были съедены, а они пили уже по второй чашке чая.

– Я добавляю щепотку пекарского порошка в эти булочки... моя мама всегда так делала, и не знаю почему, но это делает их вкуснее, тебе так не кажется?

Айрис Чатер с нежностью посмотрела на свою подругу.

– Я не знаю, что бы я делала без тебя последние несколько недель. И пока Гарри болел. Я бы хотела что-нибудь сделать для тебя, Полин.

– Ты можешь.

– Тебе стоит только попросить. Надеюсь, ты и так об этом знаешь.

– Хорошо. Я хочу, чтобы ты показала эти свои колени доктору, и не надо мне говорить, что с ними все не так плохо, потому что я вижу, что именно так.

– Нет, я имела в виду сделать что-нибудь для *тебя*, Полин.

– Я знаю. Ну, так что сказала доктор Дирбон в последний раз?

– Ой, все старо как мир – на операцию стоит целая очередь, и, как она сказала, бедрам везет заметно больше, чем коленям. Ну и таблетки от боли.

Айрис не считала нужным признаваться, что артрит ее коленей не был даже упомянут в беседе с доктором. Какой в этом смысл? Бывало гораздо хуже, когда боль была острее и подолгу не проходила, тем более то, что она сказала Полин, было правдой: существовал список ожидавших, и один бог знает, когда подойдет ее очередь, а от мощных обезболивающих у нее точно будет расстройство желудка. Аспирин она может и сама себе купить.

– Тогда возвращайся. Скажи ей, что тебя это не устраивает, пусть включит тебя в приоритетный список.

– Там есть те, кому гораздо хуже, чем мне.

– Гм.

Айрис потянулась вперед, чтобы налить себе последние полчашки из чайника.

– Гарри все еще здесь, знаешь, – сказала она.

Полин улыбнулась.

– Ну конечно же... он присматривает за тобой, и всегда будет.

– Я имею в виду, здесь, в этой комнате. Иногда меня это пугает. Просто я хочу... видеть его, я хочу слышать его... не просто чувствовать. Я схожу с ума?

– А ты сходишь?

– Это такая радость, Полин. Я не хочу, чтобы это исчезло.

В комнате было тепло. Свет от лампы отражался от латунных обезьянок на полке и заставлял их сиять.

– Ты когда-нибудь, ну, знаешь, не думала пойти поговорить с кем-то?

– В каком смысле?

– С одним из этих спиритуалистов. Медиумов.

Когда она услышала, как Полин озвучивает вслух мысль, которая уже давно гнездилась в ее голове, она покраснела, и ее сердце подпрыгнуло в груди.

– Многие люди ходят, многие говорят, что они и правда... ну, что у них есть дар.

– Ты когда-нибудь к такому ходила?

– На самом деле у меня никогда не было повода. Да и вообще, это была просто идея.

– Я бы испугалась.

– Чего?

– Просто... что это меня расстроит, – она взглянула вниз, на свою чашку. – Моя бабушка читала по чайным листьям.

– Ой, моя тоже. Они все раньше это делали, разве нет? Столько ерунды было в головах.

– Ну да.

И все-таки когда бабушка Биксби описала человека, за которого Айрис выйдет замуж, еще задолго до того, как она впервые встретила Гарри Чатера, она все угадала абсолютно верно, все о нем: его внешность, его манеры, направление его работы, и про семью, все. Она правильно угадала, что у них не будет детей, за долгие годы до того, как они перестали надеяться.

– Кроме того, – сказала она, – как мне найти такого? Я хочу быть осторожна.

– На Пассадж-стрит есть церковь спиритуалистов. Может, у них есть доска объявлений.

– Мне никогда не нравилось, как выглядит это здание, напоминает хижину Ниссена⁷.

– Ну, ты уж точно не захочешь пойти к тем, что выступают рядом с отелями... иногда рядом с Дир-парк такое бывает. Они вывешивают табличку типа «Вечер ясновидения и ярмарка экстрасенсорики» и тому подобное. Мадам Розита, вся обвешанная золотом. Это просто ерунда.

– С другой стороны, люди отдают им деньги.

Полин начала составлять посуду на поднос.

– Это работает так же, как и все остальное... Тебе нужен кто-то с рекомендациями, верно? Я поспрашиваю. А не хочешь зайти ко мне попозже и посмотреть «Слабое звено»?

– Сегодня нет, Полин, мне нужно кое-что сделать.

– Ну, если передумаешь...

– Я знаю. Ты хороший друг.

После ухода Полин Айрис еще долго вертела в голове идею похода к медиуму – будет ли это нехорошо, будет ли это дорого, да и не просто ли это уловка, чтобы несчастным людям стало лучше? Но прежде всего эта идея казалась ей пугающей. Хотя с чего бы? Это либо просто одно большое надувательство, либо у кого-то из них и правда есть дар, и, если она такого найдет, он поможет ей связаться с Гарри, и что в этом страшного? Но как это возможно? И что конкретно произойдет? Сможет ли она на самом деле поговорить с ним и услышать, как он отвечает ей своим собственным голосом? И сможет ли этот экстрасенс доказать, что все это взаправду, рассказав ей какие-нибудь факты, известные ей одной, что-то личное? Бабушка Биксби предсказывала судьбу по чайным листьям, ее тетя гадала на картах. Но, как правильно заметила Полин, все женщины тогда это делали, чтобы развлечься, посмеяться, устроить себе передышку в те тягостные дни, когда все надо было делать руками. Иногда это могло тебя встряхнуть, но это не то, что ей было нужно сейчас. Ей ничего не было нужно, только знать, что Гарри и правда был здесь, и поговорить с ним.

Душная гостиная сейчас казалась пустой, как будто он покинул ее. Может быть, ему не нравилось то, о чем она думала?

---

⁷ Хижина Ниссена – сборное полукруглое строение с каркасом из гофрированной стали. Подобные хижины использовались в период Первой и Второй мировой войны в качестве временных барачков для солдат, а иногда и в качестве складов боеприпасов, почтовых отделений и т. д.

В конце концов, чтобы ее мысли перестали ходить кругами, она пошла-таки в соседский дом посмотреть с Полин телевизор.

Но ни викторина, ни комедия, ни триллер, никакой телевизор или другие развлечения не могли заставить ее перестать скучать по Гарри и думать о том, что у нее может появиться шанс встретиться с ним, если только она наберется храбрости. Она мучилась от этой мысли весь вечер и дважды просыпалась ночью, чтобы продолжить мучиться.

В Лаффертоне перед Рождеством в магазинах царил полное безумие. В третью субботу декабря Айрис Чатер с обреченным видом блуждала между ними, ошарашенная изобилием и разнообразием товаров, с ужасом думая о том, что она должна купить еду и подарки. Но в этом едва ли была нужда. Полин пригласила ее на Рождество, и она собиралась прийти к обеду, но еще к Полин должны были приехать двое ее сыновей с семьями, которые будут вынуждены тесниться в маленьких комнатках. Так что она не хотела злоупотреблять ее гостеприимством. Она хотела, чтобы Рождество в этом году закончилось чем скорее, тем лучше.

Воскресным утром, после дурной ночи, она сделала то, чего не делала уже годами, – пошла на службу в собор. Но она чувствовала себя неуютно среди молодых пар с младенцами и маленькими детьми, поющих гимны, которые она не узнавала из-за современных переложений. Семейная служба явно не подходила для того, чтобы помолиться о Гарри и еще раз задаться вопросом о том, стоит ли ей сходить к медиуму. Она сидела, потом встала и преклонила колени, вслушиваясь в бормотание и шепот вокруг, и у нее возникло такое ощущение, будто она случайно приземлилась на вполне дружелюбную, но совершенно чужую планету.

Когда она шла домой, ее колени заболели так, что она чуть не расплакалась. Вторая половина воскресенья простиралась перед ней словно лента бесконечной дороги.

Полин стояла у окна и смотрела на улицу. Когда она увидела Айрис, она приподняла свою кружку.

Горячий сладкий кофе и шоколадный бисквит немного улучшили ей настроение.

– Я нашла для тебя человека, – сказала Полин.

Стены комнаты как будто втянулись внутрь, а потом расширились, как резиновые.

– Я сказала, что поспрашиваю, а потом вспомнила, что девушка, с которой я работала в Педдерс, рассказывала мне, как ее свекровь ходила к медиуму.

Она потянулась к часам на полке и взяла с них сложенный лист бумаги.

«Если я возьму его, – думала Айрис, – если я только дотронусь до него, то что-то случится». Она опустила глаза на листок. Как только она его возьмет, то пути назад уже не будет, она чувствовала это. «Ты глупая женщина», – подумала она. Но желание было непреодолимым.

– Я всегда могу пойти с тобой, ну, если ты занервничаешь... просто подожду, я имею в виду, конечно, в комнату заходить не буду. Ну, в любом случае, держи.

Полин положила листок на стол между ними.

– Выпей еще чашечку.

Она так и сделала и долго ее растягивала, болтая о магазинах, Рождестве, ценах, забавных новых гимнах, стараясь скоротать время. Потому что когда настало время уйти из дома Полин в свой собственный, ей пришлось взять листок бумаги, и когда она закрыла свою переднюю дверь, она оказалась один на один с ним, и с именем на нем, и с адресом и телефоном.

Чтобы стало легче, она кинула быстрый взгляд на надпись, сделанную закругленным почерком Полин: *Шейла Иннис. Прайм-кресент, 20. 389113.*

Простота имени этой женщины и ее адрес со знакомой улицей почему-то успокоили ее, так что она взяла листок, сложила его пополам и положила в сумочку с облегчением, ругая себя за то, что так волновалась.

Девять

Детектив Фрея Грэффхам стояла в холле дома престарелых «Фор Уэйс», ожидая приглашения в кабинет Кэрол Эштон, и хотела сбежать. Здесь стоял особый запах – сперва чувствовались древесный лак и аромат хризантем, но за ними проступали тяжелые нотки антисептика и тушеного мяса. Он унес ее в прошлое, в ее приходскую школу, а потом не так далеко, отчего было еще неприятнее, в дом престарелых в южном Лондоне, где ее бабушка провела свои два последних мучительных года. И дело было не только в отвратительных запахах лака и цветов, маскировавших вонь. Для нее просто снова войти в дом престарелых, как бы сильно он ни отличался от того, другого, было словно оказаться под струей ледяной воды.

Кабинет Кэрол Эштон был светлый и приятный, повсюду были картины, растения, а мебель была качественной и удобной.

– Вы нашли Анджелу? Прошу, присаживайтесь...

– Извините, боюсь, что нет.

– Кажется, что прошло уже так много времени! Я абсолютно уверена, что с ней должно было что-то случиться.

– Миссис Эштон, я пытаюсь выстроить портрет Анджелы Рэндалл. Прошу, не могли бы мы с вами пробежаться еще раз по некоторым моментам?

– Я могу, конечно, все что нужно.

– Вы сказали мне, что просто так уйти, не сказав ничего вам и, насколько вам известно, никому другому, было не в ее характере?

– Я много об этом думала, и все-таки я точно уверена. Я знаю, что люди иногда ведут себя неожиданно, но я искренне не верю в то, что Анджела могла уехать куда-нибудь вот так. Она не оставила бы свою работу и свой дом, никого не предупредив. Она просто не стала бы.

– Знаете ли вы о каких-либо ее близких отношениях?

– Вы имеете в виду мужчину? Любовные отношения? – Одно это предположение, кажется, поразило Кэрол Эштон. – Кажется, я уже говорила вам, что Анджела не из тех людей, которые говорят о своей личной жизни. Вы понимаете, что я даже не могу сказать вам, была ли у нее кошка? Но она никогда никого не упоминала.

– Никого, кому она могла бы купить дорогой подарок?

– Сомневаюсь. Какого рода подарок вы имеете в виду?

– Мы нашли в ее доме пару запонок в подарочной упаковке, к которым была приложена записка, указывающая на некоторого рода теплые отношения.

– Боже мой!

– У вас нет предположений?

– Нет, и, должна сказать, я очень удивлена. Это все никоим образом не вяжется с Анджелой. – Она задумалась на секунду. Фрея ждала.

– Если бы мне предложили описать ее одним словом, боюсь, это было бы слово «холодная». Я не хочу, чтобы было похоже на то, будто она мне не нравится, потому что вообще-то нравится, и уважение она во мне тоже вызывает. Я уважаю всех, кто относится к работе так добросовестно и преданно.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, не волнуйтесь, – Фрея поднялась. – На самом деле остается вполне реальная возможность того, что она просто вернется домой... Если она такая закрытая, то логично предположить, что она вряд ли доверилась бы кому-то, возникни у нее какие-нибудь проблемы в жизни.

– Наверное.

Кэрол Эштон выглядела скептически. Фрея не винила ее, так как сама не слишком верила собственным невнятным объяснениям.

– Не могли бы вы попробовать вспомнить еще хоть что-нибудь, о чем она могла упомянуть, даже вскользь, в связи с кем-то из ее знакомых, с кем она была близка?

– Да, я попытаюсь. Но ничего такого я не помню.

Пока они шли по коридору, откуда-то сверху раздался протяжный вой. Фрея с трудом заставила себя не броситься к двери со всех ног.

– Сержант, есть кое-что, о чем я хочу вас попросить. Я тут на днях включила радио, и там было объявление о пропавшей собаке... какой-то призовой породистый пес... Я тут подумала, может, был бы смысл попросить их поставить в эфир что-нибудь про Анджелу?

– Мы используем местные радиостанции, чтобы размещать объявления о пропавших людях, и у нас всегда прорва звонков, не все из которых относятся к делу. Но довольно часто мы получаем полезную информацию. Давайте я проверю.

– Наверняка же попробовать стоит? Может, кто-нибудь видел ее... видел что-нибудь.

Они прошли по сверкающему полу холла. Наверху все стихло. На секунду Фрея задумалась о том, что заставило этот голос замолчать.

Она вернулась к машине под морозящим дождем. Окна горели почти в каждом доме, хотя не было еще и трех часов. Рождество наступит через несколько дней – особенное время для того, чтобы пропасть.

Оставшуюся часть дня она провела в Бевхэме, на семинаре по интернет-преступлениям, на котором особое внимание уделялось педофилам. Региональный штаб создал специальное подразделение и хотел привлечь туда рекрутов. Фрея Грэффхам совсем не стремилась попасть в ряды тех, кто, на ее взгляд, был занят в самой грязной, мрачной и неприятной области полицейской работы, которая предполагала долгое сидение за компьютером. Но все же было полезно получить общее представление о чем-то относительно новом, тем более энтузиазм, который можно было продемонстрировать, записавшись на семинар, всегда поощрялся. Она покидала полицию Лондона и уезжала жить и работать в Лаффертон с мыслью, что амбиции она будет рада оставить позади, наряду с давлением большого города, которое с каждым днем становилось для нее все более невыносимым и опасным, и по-настоящему несчастливым коротким замужеством. Теперь она чувствовала, что изменения уже начинают ее исцелять и освежать. Она влюбилась в Лаффертон, когда приехала на собеседование, восхищенная красотой собора и окружающей природой. Он предлагал ей гораздо больше, чем она ожидала, и она до сих пор радовалась, осваиваясь в своем новом доме.

Но самое главное, она чувствовала себя спокойно и снова получала удовольствие от своей работы. Она была полна рвения и высоких целей, а еще уверенности, которую, как она думала, она навсегда потеряла во время своего последнего ужасного года в Лондоне.

Двадцать минут спустя она уже сидела в комнате с тридцатью другими полицейскими офицерами и знакомилась с описанием типичного больного, извращенного, нелюдимого охотника за детьми и с новейшими технологиями, которые использовались в операциях по обнаружению подобных. Один или два раза некоторые подробности о сайтах педофилов оказывались для нее слишком отталкивающими, и тогда она отвлекалась от них и снова обращалась мыслями к Анджеле Рэндалл, отмечая про себя, что следующим утром надо позвонить на радио.

Семинар завершался вопросами от аудитории. У Фреи вопросов не было, а те, у кого они были, в основном углублялись в технические подробности. Но последний вопрос привлек ее внимание, и не столько из-за его предмета, сколько из-за того, кто его задал, – это был старший инспектор Саймон Серрэйлер, который проводил с ней собеседование, но с момента ее переезда в Лаффертон находился в отпуске. Она сразу вспомнила, каким молодым он ей показался для своего звания и насколько необычным было сочетание его светлых, почти нордических волос с темными глазами.

В конце семинара он перехватил ее.

- Рад, что вы смогли появиться. Не очень весело, правда?
- мрачновато. Боюсь, что была даже пара моментов, когда мне пришлось отключить мозг.
- Значит, вы не покинете нас ради нового подразделения?
- Э... нет.
- Хорошо. Может быть, вы зайдете ко мне завтра и расскажете, как тут осваиваетесь?
- Я приду, сэр, спасибо. Мне все очень нравится.
- Старший инспектор Саймон Серрэйлер улыбнулся, но потом резко повернул голову, когда кто-то тронул его руку.

Улицы Бевхэма были ярко освещены и заполнены припозднившимися покупателями, музыканты Армии Спасения играли рождественские песни, и люди с текстами в руках стояли и пели под огромным деревом на городской площади. Через окна машины Фрей слабо слышались слова «Пастухи охраняют стада».

Рождество, семьи собираются вместе, домашний очаг... прошлогоднее Рождество стало последним, которое они с Доном провели вместе, практически в полной тишине, будто затеявшись в темных водах враждебности и несчастья. Тем днем она шла по улицам Патни и очень обрадовалась, увидев открытый индийский магазин на углу, где смогла хотя бы на время укрыться среди его заваленных всяким барахлом полок, пахнущих специями. А в этом году, вежливо отклонив просьбу провести Рождество в кругу семьи на ферме ее сестры в Камбрии, она с нетерпением ожидала момента, когда можно будет захлопнуть за собой новенькую входную дверь и побыть наедине с собой, запасшись простой едой, хорошей бутылкой вина, несколькими дисками, книгами и телевизором. Ее короткий брак, как ей теперь казалось, полностью состоял из криков пополам с периодами пропитанного ядом временного перемирия.

Проехав один за другим три светофора и любуясь сказочными арками из разноцветных огоньков, серебра и золота, она снова подумала об Анджеле Рэндалл. Где она была сейчас, в эту минуту, в это светлое, оживленное, счастливое время? Фрея думала о безупречном, безликом, холодном маленьком доме, о его странной тишине, его тоскливой обстановке, его стерильном воздухе; Барн-клоуз, четыре имел дух места, которое никогда не посещала любовь, дружба и смех. И дорогой подарок в блестящей упаковке? И записка: *Для тебя, со всей возможной любовью и преданностью, от Меня.*

Что бы инспектор ни говорил, Фрея Грэффхам знала, что в этом случае она не отступит. Она хотела вцепиться во что-то зубами, во что-то свое, и оставить свой след, это она осознавала четко. Но дело было не только в этом.

Она выехала из города по темным узким дорожкам, направляясь к Лаффертону, к дому, и всю ее переполняли мысли о пропавшей женщине, а еще – глубокое беспокойство.

Десять

Когда голубой с бежевым автобус подъехал к остановке на торговой площади, Дебби Паркер на мгновение охватила такая паника, что все ее нутро как будто превратилось в воду, а пот насквозь пропитал повязку у нее на шее.

Всего в день из Лаффертона в Старли и Старли-Тор ходило три автобуса. Этот, в девять сорок пять, был первым, и ей нужно было скоротать еще час до назначенной встречи. Она тщательно ее распланировала. Она точно выяснит, где находится Духовное Святилище Давы, и потом раздобудет себе где-нибудь кофе. Если после этого еще останется время, то можно будет пробежаться по нескольким здешним магазинам. Старли был всего лишь поселком, который вырос вокруг собственно Тора, но многие лекари и целители обосновались именно здесь, как она узнала из «Общественной Газеты Тора», которую взяла в магазине здорового питания. Она изучала ее несколько дней и прочла там про кое-какие интересные брошюры и книги, а Сэнди оставила ей компьютер, чтобы она могла поискать больше информации в интернете. Кое-что было просто безумным, но несколько текстов увлекли ее настолько, что она просидела до глубокой ночи, пытаясь в них углубиться, а потом лежала, не в состоянии заснуть, размышляя о них и пытаясь приложить принципы, изложенные там, к себе. Ей предстояло столько открыть с помощью Давы, получить так много уроков, задать так много вопросов, и каждый раз, когда она смотрела на синюю карточку, она чувствовала уверенность и твердую убежденность в том, что именно по этому пути она должна пойти, именно это было то, что ответит ее чаяниям. Тем не менее, оказавшись прямо перед распахнувшимися дверьми автобуса и стальными ступеньками, ведущими наверх, Дебби так перепугалась, что готова была развернуться и бежать обратно по улицам, домой, в безопасную темноту своей комнаты и своей кровати.

– Ну же, милая, ты задерживаешь очередь.

Водитель-кондуктор ждал, постукивая монеткой по кассе с билетами. Она обернулась. Полдюжины человек уже топтались за ее спиной.

– Старли и Старли-Тор через Димпер, Харнхэм, Брансби, Локертон-Вуд, Литтл-Локертон, Фретфилд, Шримфилд и Ап-Старли. Выбирай что хочешь, нужно только решить.

Кто-то толкнул ее сзади, и, чтобы удержаться, ей пришлось поставить ногу на ступеньку автобуса.

– Ну, слава тебе господи. Куда?

Она слотнула, и у нее в горле застрял твердый сухой комок, из-за которого она не могла ни говорить, ни дышать.

– Старли.

– Один или ты планируешь возвращаться домой?

– Обратный. Пожалуйста.

Комок рассосался, но ее пальцы все еще дрожали, когда она брала скрученные в трубочку белые билеты.

Она и забыла, как красиво в этих местах, даже в январе: как холмы набегают и расстилаются друг за другом, а между ними виднеются небольшие островки деревьев, как у подножия холмов струятся быстрые ручейки, и лентами выются стены из древнего серого камня, а овечки рассыпаны по полям будто бы случайно, как конфетти. Светило бледное зимнее солнце, которое висело совсем низко надо холмами, и его свет был чудесным, мягким и ясным, и он выхватывал то крышу сарая, то кроны вязов, то деревянные ворота или просто бросал несколько своих косых лучей на широкий луг. Один раз она даже увидела, как охотятся – лошади перепрыгивали мелкие зигзаги изгородей друг за другом, а красные куртки, черные шляпы, хвосты и гривы скакали вверх и вниз.

Одного взгляда на все это хватило, чтобы успокоить ее и поднять настроение. Ей стоило бы почаще вот так выбираться, путешествовать где-то и смотреть, смотреть, в тишине и комфорте теплого автобуса. Темное чувство ненависти к себе, к своему непривлекательному лицу и грузному телу, казалось, осталось в Лаффертоне. Сейчас она была кем-то другим или никем не была, довольная, безмятежная, даже счастливая, утопающая в приятном трансе удовольствия.

Она совершенно ничего не имела против того, что автобус ехал так медленно, да еще и кругами, постоянно останавливаясь и снова трогаясь, все это нравилось ей и держало в безопасном удалении от самой себя. В ее кармане была надежно спрятана синяя карточка, ее талисман, обещание чего-то, чего, хотя бы сейчас, не стоило бояться. Что будет впереди, то и будет, что должно случиться, случится, и все так, как должно быть.

Солнце согревало лицо Дебби сквозь окно автобуса. Цапля, вытянув свои длинные ноги, пролетела над полем рядом с ручьем и встала, прямо, изящно, в абсолютной неподвижности. Неожиданно по склону пронесся кролик и сразу же исчез из вида. Она впала в полудрему.

– Старли... Старли... Все выходим, пожалуйста.

Она вздрогнула, проснулась и еще некоторое время не могла вспомнить, почему она сидит с затекшими ногами и ноющей шеей посреди пустого автобуса.

– Не выпалась, да?

Она стояла на тротуаре и смотрела, как автобус поворачивается и едет к стоянке на противоположной стороне улицы. Двигатель заглох, и водитель вышел из кабины.

Все затихло. Остальные пассажиры как будто испарились, а полдень январского вторника был явно не тем временем, когда в Старли жизнь бьет ключом.

Маленький городок расположился на двух пологих холмах, образующих букву «Т», и главная торговая улица шла по его длинной стороне. Дома здесь были маленькими, и все как на подбор из простого камня и с черепичными крышами, а еще было несколько выкрашенных в белый и розовый особняков восемнадцатого века, похожих на те, что были в старой части Лаффертона. Она осмотрелась. Начальная школа Старли стояла прямо через дорогу от нее рядом с почти пустой парковкой. Баптистская церковь. Банк. Почта. «Книги и канцтовары Старли».

Она медленно прошла мимо них. Маленький универсам рядом с мясной лавкой. Это были самые обычные магазины. На т-образном перекрестке дорога начала все круче подниматься вверх, и в этот момент она увидела, что все, что делает Старли центром интереса нью-эйджеров, начинается здесь. В каждом здании был либо магазин, либо какой-нибудь центр... Фэншуй. Кристаллы. Вегетарианские, веганские и органические продукты. Травники. Книжный центр Нью-эйдж. Общественный дом собраний Старли... Индийские сари и бусы североамериканских племен, свечи, благовония, ветряные колокольчики, трубчатые колокола, орехи, натуральные лосьоны и мази, косметика, не протестированная на животных, экологически чистые моющие средства, контейнеры для переработки мусора. Посреди всего этого встречались двери с табличками в консультационные кабинеты целителей, травников и физиотерапевтов.

На улице было тихо, магазины в основном были пусты. Она заглянула в один. Там пахло благовониями и пылью, а звук ее шагов по деревянному полу казался очень громким. За стойкой сидела девушка и вязала. Две женщины разговаривали о гомеопатической клинике для животных. Дебби ожидала, что здесь будет интересно, но это место казалось просто печальным и заброшенным. Ценники были невзрачными, а товары – залежалыми, и все будто говорило об упадке.

Она нашла маленькое кафе органического питания, в котором стояли столы и стулья из светлой сосны и висела доска объявлений с карточками целителей и постерами о встречах. Они

подавали только кофе без кофеина и органический чай, так что она взяла кофе и затвердевший злаковый батончик. Кофе на вкус был странным, а девушка, которая ее обслуживала, – явно простуженной.

Дебби села прямо под доской объявлений. Синева карточки Давы ярко выделялась среди других. Дебби посмотрела на нее. Этот цвет снова оказал на нее свое магическое воздействие, мгновенно поднял ей настроение и окрасил собой тоскливую атмосферу кафе, возбуждая ее, как и всегда. У нее не было ни малейшего понятия, как цветной кусок картона может казаться живым голосом, который прямо и откровенно обращается к какому-то затаенному уголку ее души.

– Не могли бы вы мне сказать, где это, пожалуйста? – сказала она, указывая на карточку.

– Что там написано?

– Святилище, Пилигрим-стрит.

– А, да, это маленькая улочка, которая сворачивает здесь за угол, вам нужно только подняться к магазину свечей.

– Спасибо. Сложно что-то найти в незнакомом месте.

– Да, точно.

– Думаю, я возьму еще чашку кофе. У меня встреча только в двенадцать.

Она хотела рассказать девушке все, рассказать о себе, о таких вещах, о которых она никому не говорила. Девушка взяла кофейную банку в вытянутую руку и со вздохом извлекла оттуда ложку с коричневым порошком. Вода с громким бульканьем закипала.

Дебби провела языком по своим зубам, пытаясь извлечь оттуда кусок батончика, и так ничего и не сказала.

Она приехала слишком рано. Она прошлась по одной стороне улицы от начала и до конца, но так и не нашла ничего, что походило бы на Духовное Святилище Давы.

Ее лодыжки уже начинали болеть, когда она перешла улицу и начала медленно спускаться по другой стороне. На полпути она краем глаза увидела промельк чего-то синего – ее синего, как она теперь о нем думала, – кусочек этого синего будто мягко сиял посреди сумрачной улицы. Он был приделан к стене здания, которое, помимо этого, ничем не отличалось от остальных. *Дава*. На нем была все та же россыпь золотых звезд. Но до двенадцати оставалось еще двадцать минут, она боялась показаться слишком настойчивой.

Она сильно устала после того, как дважды обошла квартал изогнутых улиц. Она повстречала всего несколько человек, магазины были совершенно пусты. Слабый запах пачули и терпких благовоний струился из чьей-то двери. Было холодно.

Если бы не синяя карточка в ее кармане, Дебби Паркер расплакалась бы и побежала обратно к автобусной остановке, а потом в свой теплый угол в Лаффертоне. Но у нее была карточка.

Без пяти двенадцать она позвонила в звонок под синей вывеской.

Никакого звука не последовало, и никто не вышел. Неожиданный порыв холодного ветра пронесся по улице. Она попыталась толкнуть дверь, но та была плотно закрыта и заперта. Зачем все это представление?

Церковные часы где-то неподалеку пробили ровно двенадцать, и, когда звук последнего удара растворился в тишине, дверь отворилась. Женщина в длинной юбке и с шарфом на голове впустила Дебби внутрь.

– Дава любит, чтобы его встречи начинались точно в назначенное время.

Они прошли в коридор, который был освещен разноцветными огнями, мягко сияющими из-за витражных стекол.

– Дава хотел бы, чтобы было тихо.

Она открыла дверь и придержала ее, чтобы Дебби вошла.

В комнате стоял круглый стол и два стула, а стены были завешаны какой-то легкой тканью.

– Пожалуйста, входи, Дебби.

Он сидел за столом, одетый в бархатный плащ без воротника, напоминающий рясу священника. У него были длинные темные волосы, а пальцы были украшены кольцами. На шее висела цепочка с простым кельтским крестом.

Сердце у Дебби заколотилось.

– Не нервничай. Пожалуйста – подойди и присядь.

Горевшие вокруг свечи распространяли сладкий аромат; зеркало в изысканной раме отражало их мерцающий янтарный свет.

Он молча подождал, пока Дебби расстегнет куртку и снимет рюкзак. Она суежилась, ее движения были нервными и неуверенными. Но потом она подняла взгляд и увидела его глаза. Они остановились на ее лице, большие глаза под густыми ресницами, и они были синие, такого же глубокого, притягивающего, прекрасного синего цвета, как и карточка. В них не хватало только золотой пыли. Дебби почувствовала, что тонет в них, и испытала мощный, потрясающий прилив спокойствия; она словно отказывалась от какой-то части себя. Она больше не переживала, больше не боялась. Она была здесь, и этого было достаточно.

– Хорошо, – сказал Дава. Его голос был вполне обычным. – Добро пожаловать в Святилище, Дебби. Какие бы проблемы, неприятности и страхи ты ни принесла сюда сегодня, мы внимательно на них посмотрим, и я исцелю тебя и открою тебе новые перспективы в жизни. Какие бы муки – душевные, физические или духовные – ни отнимали твою жизненную энергию, ни опустошали тебя и ни тянули тебя вниз, какие бы негативные силы ни истощали тебя и ни пытались сломить, мы с ними разберемся. Не со всеми сразу, не со всеми сегодня. Но постепенно ты начнешь чувствовать себя все более обновленной и полной жизни. Это я обещаю. Ты будешь чувствовать баланс и гармонию внутри себя и во всем мире, ты будешь свободнее, ты будешь жить в согласии со своим внутренним «я». Это я обещаю. Некоторые вещи можно решить очень просто, некоторые лежат глубже. Все мои слова и поступки, все средства излечения, которые я предлагаю, все энергии, к которым я обращаюсь, чтобы помочь тебе, – все они позитивны и добры. Тебе от них не будет никакого вреда. Давай я расскажу тебе, как пройдет этот час, Дебби.

Слушать Даву было словно слушать журчание воды, или плеск волн, или легкий шум ветра в листве, его голос был нежным и успокаивающим. Пока он говорил, он смотрел на нее не отрываясь, и сила его взгляда была так велика, что она вынуждена была отвести глаза и посмотреть на стол, накрытый плотной красной бархатной материей. На него было так же тяжело смотреть, как на солнце.

– Сначала я проведу с тобой несколько коротких простых медитаций, чтобы расслабить тебя и снять напряжение. Мы помолчим вместе, пока я настроюсь на твои энергии и смогу почувствовать силу и слабость твоих чакр. Затем я прочту тебя. Как только я стану тобой, я смогу понять, какие проблемы, заботы – и даже болезни – мучают тебя. Но ты также можешь сказать мне, что именно ты сама хотела обсудить со мной. Тебя это устроит, Дебби? Что-то вызывает вопросы или сомнения или мы можем начать? Пожалуйста, можешь спрашивать о чем угодно.

Он сидел, сложив руки перед собой на столе. Она раньше не встречала никого, кто мог бы сидеть так неподвижно. Казалось, что он едва дышит. Она вспомнила цаплю, которая стояла рядом с ручьем, словно изящная фигурка.

– Нет. – У нее во рту пересохло, а собственный голос казался незнакомым. – Нет, спасибо вам. Я... я всем очень довольна.

– Хорошо. Хорошо, Дебби. Тогда закрой свои глаза и позволь мне начать с того, чтобы сфокусировать твое сознание на свете и мире.

Она лежала, и ей было тепло, ее тело было совсем легким. Она парила где-то над землей, окруженная мягким сиренево-голубым туманом, и она не думала ни о чем, что беспокоило ее сейчас или когда бы то ни было. Она слушала нежные звуки, которые звучали как музыка, но не были музыкой, это были естественные звуки: пение птиц, бегущие ручьи, волны, набегающие на песок, и ветер в деревьях... «Музыка сфер» – так она подумала, музыка сфер...

Она рассказывала о своем детстве, когда ее мама еще была жива. Голос ее матери звучал так отчетливо, лицо ее матери было прямо перед ней. Она рассказывала, как идет вместе с матерью по лесу в золотой листве, как они смеются, кидаясь снежками, как мать поет ей перед сном. Она рассказывала, как ее мать лежала в кровати, такая бледная и болезненно худая, а ее кости белели сквозь почти прозрачную кожу, и глаза не выражали ничего.

– Я боялась ее... – услышала она собственные слова. – Это была не моя мать.

Она рассказывала о смерти и о похоронах, о пустой спальне и о тишине в их доме, и о том, как она уходила, чтобы посидеть в саду или походить по улицам, вместо того чтобы слушать, как плачет отец. Она рассказывала о своей мачехе и о том, как она ненавидела ее в те первые недели.

А теперь она чувствовала, что стремится вверх, как дайвер, медленно поднимающийся из глубин на поверхность воды.

– Хорошо, Дебби... Передохни здесь. Передохни спокойно.

Слезы текли по ее лицу. Она лежала на диване, и потолок над ней был синий и усыпанный золотыми звездами. Она не могла припомнить, как оказалась здесь.

Дава сидел на стуле рядом с ней.

– Когда будешь готова, сядь. Не торопись.

– Я спала? Мне это снилось?

– Мы называем это гипнотическим сном... сном наяву. Это очень помогает излечиться. Ты была в безопасности. В полной безопасности.

Его голос звучал мягко и как будто ритмично, так, что она почувствовала, что снова может лечь и он вернет ее обратно в другой, прекрасный, мир.

– Сядь, Дебби.

Дава встал, взмахнув своим длинным плащом, и вернулся на свое место за круглым столом.

– Когда ты будешь готова, подойди сюда, ко мне. Не вставай слишком резко, у тебя может закружиться голова.

Ее голова казалась такой легкой, словно может улететь с плеч. Она осторожно спустила ноги с края дивана и немного подождала.

– А теперь ты пойдешь домой и будешь спать крепче, чем ты спала последние несколько месяцев. Но есть пара вещей, которые нам стоит обсудить... пара проблем, которые надо прояснить.

Когда она шла по комнате, ее ноги были словно резервуары с водой, так что она рада была присесть.

– Ты будешь чувствовать себя хорошо. Ты будешь чувствовать себя очень хорошо. Перед тобой раскинулся яркий сияющий путь, но есть еще несколько препятствий. Ты знаешь, что это за препятствия, Дебби. Расскажи мне о них. Ты сама знаешь о том в себе, что ты хотела бы изменить.

– Я толстая. Я ненавижу свои прыщи. Я ненавижу черноту, которая тянет меня вниз.

Она никогда и не представляла, что может говорить настолько открыто; она слышала, как перечисляет все, чего так стыдилась, как будто это был список покупок.

– После этой консультации я пришлю тебе письменные инструкции и кое-какие предписания. Памятку по диете – но там все совсем просто. Ешь только овощи и фрукты. Пей только воду или травяные чаи. Не ешь ничего неорганического. Ешь только здоровую пищу. Все это можешь есть столько, сколько захочешь. Не ешь продукты животного происхождения. Ни молочных продуктов, ни хлеба, ни сахаров. Не употребляй алкоголь и кофеин, ни кофе, ни шоколада, ни чая. Принимай витамины, которые я пошлю. Еще я сделаю травяную мазь для твоей кожи. Я пошлю ее тебе через несколько дней. Подавленность будет медленно-медленно уходить. Сначала она может стать более острой, могут усилиться и головные боли. Просто отдыхай. И гуляй столько, сколько можешь, на свежем воздухе. Гуляй, и танцуй, и бегай в полях, в лесах... куда бы тебя ни потянуло. Иди куда хочешь и позволь своей душе петь, Дебби. Слушай меня и слушай свой внутренний голос.

Процесс исцеления и гармонизации начался. Я доволен тобой. Я вижу любовь и свет вокруг тебя и прекрасное будущее, теперь оно наступит, когда мы разгоним тьму и устраним все препятствия с твоего пути.

На долгое время воцарилась тишина. Дава закрыл глаза.

Одна из ароматических палочек, дымящихся в сосудах на столе, обломилась и обратилась в горстку легкого серого пепла.

Дава открыл глаза и поднялся на ноги одним быстрым движением.

– Я сообщу тебе о том, какое время для следующей встречи было бы благоприятным.

Она посмотрела прямо ему в глаза, но сейчас они казались непроницаемыми, затуманенными, как будто он отключил электрическую сеть между ними. Его лицо ничего не выражало.

– Спасибо вам... да. Спасибо.

Она попятилась к выходу, чувствуя, как краснеет от смущения. Женщина в длинном платье стояла у двери, так что в сумраке коридора Дебби чуть не сбила ее с ног. Та ничего не сказала. Входная дверь тихо отворилась, когда она нажала на переключатель на стене, и Дебби оказалась на улице одна. Лил мелкий дождь.

Растерянная, с каким-то туманом в голове, Дебби почти бегом побежала вниз по крутому склону и быстро завернула за угол, к кафе органического питания, где на этот раз два стола были заняты женщинами с пакетами из продуктового магазина и маленькими детьми, и они болтали между собой. Все это выглядело обыденно. Нормально. Она почти расплакалась от облегчения.

Только когда она уже выпила половину чашки кофе и съела столько же морковного пирога, она поняла, что ей нельзя ни то, ни другое. Но ей это было нужно. У нее было чувство, будто она оттаивает после того, как ее тело полностью заморозили, но потом кровь снова начала бежать по венам. Она оставалась в тепле и уюте кафе до тех пор, пока не пришло время садиться на автобус до дома.

Она проснулась чуть позже восьми на следующее утро и долго пыталась осознать, где она находится и как она себя чувствует. Первое, что она поняла, это что она действительно спала глубоко, спокойно и без сновидений. Она подождала, лежа в своем коконе, словно младенец. Пятнадцать минут спустя она все еще лежала, полностью проснувшись и абсолютно счастливая от осознания того, что темный туман не напал на нее, чтобы испортить весь оставшийся день. Она чувствовала себя немного отстраненно, немного странно, но не подавленно. Ничего такого.

Она неуверенно поднялась, будто боялась, что ее пронзит резкая боль или что это движение может спровоцировать внезапный наплыв темноты. Но она приняла душ и оделась, и ничего такого не случилось.

Сэнди была на кухне и загружала вещи в стиральную машину.

Дебби включила чайник и потянулась за кружками и молоком. Она пока не могла понять, хотелось ли ей рассказать о Даве, во-первых, потому, что она сама не до конца разобралась,

что случилось и что именно он ей сказал, и во-вторых, из-за какого-то глубинного понимания того, что эта встреча была чем-то очень личным. Ей стоило попросить у него разрешения говорить об этом. Она поняла, что ей будут необходимы его наставления в отношении еще многих вещей.

– С тобой все нормально?

– Немного как в тумане. Слишком долго спала. Ну расскажи, как провела выходные.

Минут десять или около того Сэнди говорила. Кухню приятно освещало зимнее солнце. Дебби продолжала прислушиваться к себе, пытаясь понять, как она себя чувствует, как после посещения дантиста люди постоянно щупают языком просверленный зуб, пытаясь понять, болит ли он.

– Ну все, хватит обо мне.

Они сидели в тишине за хлипким кухонным столом с дешевым искусственным покрытием, и даже узор на нем, похожий на серую сыпь, показался Дебби красивым, да и облупленная стена за стиральной машинкой, и кружка со сколом, висящая на крючке, показались красивыми. Дава. Это все благодаря Даве.

– Ну, кое-что случилось, – сказала Дебби.

Первые несколько предложений Дебби выдавила из себя с трудом, стараясь найти правильные слова, чтобы все описать, чтобы передать силу, и мощь, и красоту Давы, но потом слова соединились, словно ручейки после каменистой отмели, и слились в один мощный поток рассказа о том, как он говорил ей о ее детстве, ее будущем, ее характере, о том, что он сможет сделать с ее внутренним «я», с ее печалью, с ней самой. Сэнди очень внимательно слушала, ни разу не перебив ее, иногда осторожно посматривая на Дебби, но преимущественно уперев взгляд в свою кружку.

Солнце поднялось по стене за их спинами.

Поток слов Дебби иссяк и остановился, и на кухне стало тихо. Она вся взмокла от пота на шее, груди, спине; то усилие, которое она приложила, чтобы точно передать все и оживить свои эмоции, опустошило ее и ослабило.

– И что будет дальше?

– Моя жизнь изменится.

– Прямо...

– С сегодняшнего дня.

– Ты снова туда пойдешь?

– Он сообщит мне о встрече... вот что будет. Ты не можешь назначить ее самостоятельно, он сообщит точную дату и время... когда это наиболее благоприятно.

– Понятно, – голос Сэнди не выражал ничего: ни одобрения или энтузиазма, ни подозрения.

– Он пришлет мне какие-то таблетки... травяные штуки от головных болей и какую-то мазь для кожи.

– Это дорого?

– Не думаю, что дорого, не должно быть.

– Почему?

– Потому что он не из тех, кто будет вытягивать из тебя все деньги, это сразу видно, он не стремится разбогатеть... и он в любом случае в курсе, что я на пособии.

– Понятно.

– Он сказал, что надо будет посмотреть, пройдут ли головные боли от его таблеток, долгих прогулок на свежем воздухе и новой диеты, и если нет, то он пошлет меня к кому-то еще, он сказал, что иногда подобные вещи так просто не проходят... их нужно лечить по-другому.

– И куда же он тебя пошлет?

– Он не сказал. Наверняка к кому-то, кого он знает.

– Ой, уж наверняка, да.

Дебби внимательно посмотрела на нее.

– Слушай, все хорошо, Сэнд. Это невероятно. Я к тому, что я чувствую себя намного, намного лучше после вчерашнего.

– Отлично, – Сэнди поднялась и поставила кружки в раковину. Она ополоснула и просушила их, а потом вылила воду из чайника и выкинула заварку. Она обернулась:

– И что же ты собираешься делать сегодня?

– Пойду куплю правильной еды. Освобожу полки и холодильник от всякой дряни.

– Хорошо, только мою случайно не прихвати.

– А потом я пойду прогуляюсь... Как он и сказал. Буду долго гулять на свежем воздухе.

– Хорошо, – Сэнди подошла к двери. Остановилась около нее, колеблясь. – Слушай, Дебс, не пойми меня неправильно – просто ты сказала, что точно не помнишь всего, что произошло... ты вроде как пришла, а потом лежала на диване... ты не думаешь, что он мог дать тебе что-нибудь или...

– О чем ты говоришь?

– Только не убивай меня. Я просто хочу сказать, что тебе надо быть поосторожней. Ты была совсем одна в этой комнате с ним и...

– О господи боже, Сэнди. Это было просто что-то вроде гипноза. – Она подумала о глазах Давы и о его мягком голосе.

– Ты выглядишь лучше.

– Я чувствую, будто переродилась, понимаешь? Он дает мне второе рождение, вот что он мне сказал, только оно пока не окончено, но когда это случится, появится новая... новая Дебора. Он сказал, когда оно будет завершено, я сменю имя – я почувствую сильное, глубокое желание сменить его... И тогда я буду уже не Дебби, я буду Дебора. Дебора Паркер.

Она выпрямила спину и почувствовала себя на фут выше, она будто бы парила над землей, когда выходила из кухни.

Солнце соскользнуло со стены, и комната погрузилась во тьму.

Одиннадцать

Джиму нужно было чем-то занять себя, нужно было выйти на улицу, тем более дома стало слишком тихо. Когда почтальон входил в калитку, было тихо, и когда просвистел разносчик молока, и когда мусоровоз свернул на его улицу. Тихо. Он часто проклинал истеричный лай Скиппи, из-за которого он подскакивал в кресле, но тишину он ненавидел еще больше.

Он прочесал весь Холм и распотрошил палкой столько кустов и зарослей, сколько смог. Каждый день Джим Уильямс большую часть утра проводил здесь, причем выходил очень рано, совсем как в тот день, когда терьер пропал, и часто возвращался, искал, звал и свистел до тех пор, пока не станет темно.

Рождество он провел один, и это для него ничего не значило. Сейчас был Новый год, и больше никого на Холме не было. Он ожидал увидеть женщину с доберманами, которая не появлялась уже неделю. Было тепло и влажно, и не видно никаких признаков Скиппи.

Он слышал по радио сообщение о пропаже какой-то породистой призовой собаки, и после этого просмотрел все номера «Лаффертон эхо» за прошлую неделю и каждый вечер читал «Бевхэм пост» в поисках сообщений о бандах, воровующих собак. Фил рассказывала ему о них.

«Они и кошек тоже воруют, отдают на вивисекцию или на консервные заводы, где из них делают корм. Тебе нужно быть повнимательнее».

Но он не был внимателен, и он спустил Скиппи с поводка, как бы она никогда не сделала, и терьер пропал. Он проверил каждую кроличью нору на Холме, пытаясь услышать слабый лай или скулеж собаки, застрявшей под землей.

Тишина преследовала его, только ветер шумел засохшими кустарниками и дул ему в лицо, когда он спускался с Холма.

Ему придется сдаться, в глубине души он это понимал. Он не найдет собаку. Он был расстроен, зол и растерян, но в конце концов ему придется сдаться.

Но не сейчас, еще не сейчас. Что такое неделя? Терьер за кем-то погнался и пропустил свой поворот, оказался на незнакомых улицах, где все непонятно пахло, и пошел куда глаза глядят, скорее всего, оказался у кого-нибудь дома или спрятался у кого-то в гараже или сарае, где его случайно заперли.

Всего лишь неделя.

Он подумал, что может дать объявление в бесплатную газету.

Потом он услышал захлебывающийся лай двух доберманов и увидел женщину, вместе с ними движущуюся к нему вверх по склону. Джим Уильямс чуть не побежал ей навстречу с распростертыми объятиями, настолько был уверен, что она видела или слышала что-то. Она гуляла здесь в тот день, когда Скиппи пропал, она видела Джима и даже оглянулась на него через плечо, когда он начал звать собаку и свистеть.

Он встал на месте, стараясь выровнять свое дыхание, в отчаянном желании поговорить с ней.

Она была не из приятных женщин. Она была очень толстой и агрессивной и носила огромное тяжелое пальто из овечьей шерсти и шляпу с ушами, и в ее выражении лица всегда было что-то высокомерное. Она нетерпеливо слушала его, а доберманы тянули за свои поводки.

– Я знаю, что вы всегда гуляете здесь, вы были здесь в тот день, я очень ждал, когда смогу с вами пересечься. Не видели ли вы чего-нибудь или, может, слышали? Вы знаете, как он выглядит.

– Да, мелкое существо, смахивающее на крысу, они все такие, не выношу маленьких собачек. Но нет, боюсь, что не видела и не слышала, да и, в самом деле, чему вы удивляетесь?

Стоит только спустить их с поводка, и они как будто испаряются. Убегают, зарываются куда-то и – в дыру. Пусть это будет вам уроком, прежде чем вы заведете еще кого-то. Возьмите собаку приличного размера.

Она поспешно тронулась с места вслед за лающими доберманами и, пройдя несколько ярдов, обернулась через плечо с тем же самым видом, что и тогда, когда он звал Скиппи.

– Мне жаль.

Джим Уильямс почувствовал, что его начинает трясти. Он должен был разозлиться, может быть, даже сделать ей замечание за то, что она была такой грубой, но вместо этого он чувствовал себя сокрушенным, и ему хотелось плакать. Она была права, это он ошибся, это все была его вина.

«Ой, Джим, правда...» – слышал он, как говорила ему Фил. Он смотрел, как спина женщины с доберманами исчезает между деревьев. Он хотел погнаться за ней и умолять, чтобы, если она увидит Фил, не говорила ей ничего, не выдавала его...

Он достал носовой платок, вытер глаза и высморкался. О чем он думал? Что навело его на такую мысль? Фил была мертва и, в любом случае, женщина с доберманами не была с ней знакома.

Он все еще трясся, когда спускался вниз по склону в сторону дороги.

Но потом, успокоив себя с помощью хорошего завтрака, он снова вышел из дома, и сначала отправился в редакцию бесплатной газеты, где разместил объявление, потом зашел в телефонную будку и позвонил на местную радиостанцию, чтобы они пустили сообщение об исчезновении Скиппи. А потом он пошел в полицейский участок Лаффертона.

Двенадцать

У Джейка Спуррье очень много времени занял процесс надевания уличных ботинок и застегивания куртки, отчасти потому, что в последнее время он все делал ужасно долго, так как уставал, отчасти потому, что ему совсем не улыбалась идея встречи с мистером Шарпом.

– Джейк, это не больно.

– Это больно. Когда мы в прошлый раз приходили к нему, когда у меня болело горло, и он втыкал мне иголки в шею, это было супербольно.

– Но ведь у тебя больше не болело горло, правда?

– Сейчас болит.

– Гм.

Но когда он отвернулся, Дженни Спуррье посмотрела на своего десятилетнего сына с беспокойством. Он никогда не отличался крепким здоровьем, в отличие от своего брата Джо, которому было четырнадцать и который едва ли пропустил хотя бы один день в школе по болезни за всю свою жизнь. Это у Джейка были слабые легкие и постоянные ушные инфекции, это он умудрялся подхватывать свинку или ветрянку и мог болеть ими целый месяц, это у него мгновенно появлялся насморк в сентябре и не заканчивался до самого апреля. А в последнее время он начал жаловаться на усталость и был бледнее обычного. У него снова начало болеть горло и даже вскочила пара ячменей на глазу, хотя у современных детей их попросту не бывает.

Дженни Спуррье была против антибиотиков в любой форме, но время от времени прибегала к ним, когда ничто другое не могло справиться с сильнейшими ушными болями Джейка, и каждый раз, как она вела его на осмотр к доктору Дирбон, она знала, что это закончится очередным непримиримым спором на эту тему. Не то чтобы эта практика была хуже той, от которой она освободила их всех пять лет назад. Тогда антибиотики раздавали как конфеты в качестве панацеи от любого чиха и от всех головных болей; их можно было получить, сделав один звонок на ресепшен, не утруждая себя встречей с доктором. В стационаре у доктора Дирбон ситуация обстояла лучше, тут вопросов не было. Именно доктор Дирбон предложила Дженни попробовать акупунктуру от ее постоянных желудочных болей, когда всевозможные тесты не дали никаких результатов.

– Я не посылаю людей к специалистам по альтернативной медицине постоянно, – сказала ей доктор Дирбон, – но я испытываю большое уважение к Эйдану Шарпу. Он квалифицированный специалист и не будет забивать вам голову всякой абракадаброй, а некоторого рода проблемы весьма успешно устраняются с помощью акупунктуры. Она в том числе очень эффективна и при хронических болях. Мой пациент, кости которого буквально крошились от остеопороза и артрита, испытывал огромное облегчение после сеансов у мистера Шарпа. Это не волшебная таблетка, вы понимаете... Нет лекарства против крошащихся костей, но снятие боли и напряжения – это вещи очевидные. Боюсь, по государственному полису вы к нему не попадете, но если у вас есть медицинская страховка от какой-то коммерческой организации, то она может это покрыть, если я выпишу вам направление.

Дженни сходила к Эйдану Шарпу всего дважды, и ее боли пропали. Она наконец смогла есть нормально, хотя мистер Шарп рекомендовал ей воздержаться от слишком острой пищи и белого вина. Это было два года назад, и теперь такое же лечение помогло с больным горлом Джейка и сделало его более энергичным и выносливым. Он играл в футбол за школьную команду целый сезон, и пропустил только одну игру из-за простуды, что было беспрецедентным марафоном здоровья. Но в последний месяц или около того он снова начал сдавать, у него пропал аппетит, и его посадили на скамейку запасных рядом с тренером.

– Ты же помнишь, насколько тебе стало лучше после того, как тебя полечил мистер Шарп, Джейк, и ты же хочешь вернуться в команду, разве нет?

Джейк поворчал, но его мать знала, как до него достучаться: он был страстным игроком, и в предыдущем году забил достаточно голов, чтобы их команда добралась до полуфинала национального юношеского чемпионата, где их сумели победить. На Рождество он даже получил – через знакомого его папы, у которого был знакомый в Манчестере, – футболку с семеркой и фамилией Бекхэм на спине и с автографом своего героя.

– Ладно, ладно... – Джейк встал, закончив завязывать шнурки, и начал падать на Дженни.

– Джейк, что такое? Все хорошо... присядь вот здесь. Нагнись вперед и положи голову на колени.

– Все начало качаться... пол куда-то уплыл.

– У тебя просто закружилась голова. Такое случается, когда ты слишком быстро встаешь. Просто посиди здесь минутку, я принесу тебе попить водички. Мы никуда не пойдем, пока тебе не станет лучше, не волнуйся.

Десять минут спустя она усаживала протестующего Джейка на переднее сиденье машины.

– Я могу застегнуть ремень сам, мама, я в порядке, не переживай...

– Извини.

Но он был слишком бледным, вот о чем думала Дженни, слишком бледным. Чем быстрее его осмотрят, тем лучше.

Когда ей было шесть, ей вырвали за раз три зуба. Перед этим ее друзья в школе порассказали ей столько ужасов про то, какую боль она испытает, сколько крови и жутких стоматологических инструментов увидит, что, когда они приехали к стоматологу, она была практически в истерике. Но она никогда не забудет, каким ласковым и добрым был дантист, мистер Пит. Он был высоким, с густой копной волос над большим блестящим лбом, и он потратил очень много времени, чтобы поговорить с ней, объяснить, что она совсем ничего не почувствует, только потом будет немножко больно, но и это пройдет после «магических таблеток», и что она уж точно не увидит никакой крови на инструментах, и что она просто заснет рядом с больничным мишкой и проснется через пять минут после красивого сна, и мишка все это время будет приглядывать за ней. Все случилось именно так, как он сказал, и с тех пор она никогда не боялась дантистов.

У Эйдана Шарпа была та же спокойная, мягкая, ласковая манера общения, что и у мистера Пита, только он не был таким высоким, а его волосы всегда были аккуратно подстрижены, как и маленькая бородка. В тот момент, когда они вошли в светлый холл его приемной, она впервые за долгое время почувствовала, что успокоилась. За Джейком присмотрят. С Джейком все будет хорошо.

Здесь был кулер с водой, удобные стулья и диван, а на низком столике лежали ежедневные газеты и аккуратная стопочка свежих номеров глянцевого журнала. На столе секретаря, миссис Купер, стояла ваза со сладко пахнущими гиацинтами, а на стойке – изящный стаканчик с подснежниками. В этом месте царил какой-то особый уют, неуловимое ощущение радости и спокойствия, которые Дженни совсем не ожидала здесь встретить во время своего первого визита.

– Ничего экстравагантного, – сказала она тогда доктору Дирбон.

– Я знаю. Это одна из причин, по которой я посылаю туда пациентов со спокойной душой. Никаких банок для пожертвований Друзьям Земли⁸.

Это была правда. Медицинские дипломы Эйдана Шарпа, а также многочисленные профессиональные сертификаты и свидетельства висели в рамках на стене за стойкой ресепшен,

---

⁸ Друзья Земли (*англ.* Friends of the Earth) – международная сеть организаций по защите окружающей среды, действующая в 74 странах.

вместе с его фотографией рядом с Королевой. Кроме них помещение украшали только непри-
метные акварели, несколько бледных морских пейзажей и симпатичные лесные виды.

– Мам, а это обязательно?

Но Дженни не успела ответить.

– Доброе утро, миссис Спуррье... Джейк, – Эйдан Шарп уже шел через приемную из
своего кабинета в кипенно-белом халате и отполированных ботинках.

Стоявший за спиной у матери Джейк скорчил рожу, которую заметила только секретарь
и подмигнула ему.

Кабинет выглядел более формально, чем холл, здесь были только стол, стул, койка для
процедур и лоток с иглами и антисептиком. Но его окна выходили на солнечную сторону, и
комната была заполнена прозрачным лимонным светом.

– Ну, Джейк, когда же мы с тобой последний раз виделись? – Эйдан Шарп заглянул в
свои записи: – Почти восемнадцать месяцев. И тогда боли в горле прекратились?

– Потребовалось всего две процедуры, – сказала Дженни. – У него все было так хорошо.

– Но теперь они вернулись, и вы говорили, миссис Спуррье, что вас еще что-то беспокоит?

Мальчик сидел, уткнувшись в ковер, и болтал ногами.

– Не волнуйся, Джейк, я прекрасно понимаю, как это противно, когда люди говорят о
тебе не с тобой, и ты обязательно расскажешь мне, как себя чувствуешь, через минутку. Но,
боюсь, у всех мам есть особое свойство знать о тебе что-то, чего ты сам не знаешь.

Он подробно записал все, что Дженни Спуррье сообщила ему об утомляемости Джейка,
о ячмене на глазу, о больном горле и о сегодняшнем головокружении.

– Хорошо, Джейк, поменяйся с мамой местами, пожалуйста... Мне нужно взглянуть на
тебя при хорошем освещении. Отлично. Давай сначала посмотрим горло.

Он достал из упаковки стерильную лопаточку и нажал на язык Джейка, потом проверил
его глаза и завершил осмотр тщательным изучением обеих ушей.

– Ты говоришь, что сильно устаешь, а можешь рассказать поподробнее? Ты засиживался
допоздна с книжкой или за компьютером? Не высыпался? Ничего страшного, если так, это не
преступление.

– Я не могу подолгу не спать.

– Ты устаешь в течение дня?

– Да.

– Играешь? Ты же вроде футболист, я слышал.

– Я не могу быстро бегать, я слишком устаю.

– Ты чувствуешь удушье – ну, тебе трудно дышать, – когда ты бегаешь?

– Нет.

– У тебя есть боли в ногах после игры?

– Он часто жалуется, что у него болят ноги, даже если не играл, – сказала Дженни.

– Ладно, Джейк, сними верхнюю одежду и футболку, и оставь только трусы. Потом ляг
на койку. Я хочу тщательнее тебя осмотреть.

Джейк лег и стал наблюдать, как солнце рисует на потолке яркие диски, когда отражается
от металлического ободка лампы. Его ноги и сейчас болели, и он подумал, что если бы мистер
Шарп сейчас замолчал, то он бы заснул прямо здесь на много-много часов.

– На тебя никто не налетал, Джейк?

– Нет.

Иглотерапевт пощупал лодыжки Джейка и потом осторожно потрогал ноги выше.

– Грубая игра?

– Нет, они просто так появились.

– Есть еще синяки типа этих?

– У меня был один на руке, но, кажется, сейчас его уже нет, – он посмотрел на нужное место и увидел, что там появился новый синяк, еще больше первого.

– Понятно. Была ли кровь из носа в последнее время?

– Нет.

– Была, ты помнишь, – сказала его мама, – неделю или две назад ты позвал меня посреди ночи? Я подумала, что он, наверное, ворочался в кровати и случайно ударился о тумбочку. Я полдюжины носовых платков вымочила в холодной воде и приложила к его носу, пока кровь не остановилась.

– С того времени еще было такое? В школе?

– Нет.

Вообще-то было, но Джейку уже надоел этот допрос, и он решил прибегнуть к стратегии Джеймса Бонда и не выдавать информацию под пытками.

– Хорошо, Джейк, теперь можешь одеваться, а потом просто подожди, пожалуйста, немножко снаружи, пока мы с мамой обсудим скучную часть. Миссис Купер может принести холодный апельсиновый сок, если хочешь пить.

– Вы не будете втыкать в меня иголки?

– Сегодня нет.

– Да-а-а-а.

Джейк схватил свои брюки и футболку и кое-как их натянул, засунул остальные вещи под мышку и выскочил из кабинета, пока мистер Шарп не передумал.

– Значит, на самом деле нет ничего страшного, раз вы решили его не лечить? Что же, это большое облегчение. Но было бы хорошо, если бы вы что-нибудь сделали, чтобы вернуть его в строй.

– Миссис Спуррье, думаю, лучше, чтобы возвращением его в строй занялась доктор Дирбон. Я бы рекомендовал назначить с ней встречу для Джейка как можно скорее.

Эйдан Шарп надолго остановил на ней взгляд, какого она никогда раньше за ним не замечала.

– Я не хочу ставить диагнозов. Я не врач, вы знаете.

– Но не хуже, чем врач. Лучше многих, кого я знала.

– Спасибо. – Довольная и гордая улыбка коснулась его губ. – Но тем не менее. Джейка должен осмотреть терапевт, и мне нужно получить от него результаты осмотра, прежде чем я смогу решить, какое нужно назначать лечение. Может быть, с ним все в порядке, но некоторые его симптомы нужно изучить поподробнее. Я напишу доктору Дирбон записку. Пожалуйста, не волнуйтесь. Я просто очень осторожен. Нынче есть много специалистов по вспомогательной медицине, которые, не имея достаточной медицинской квалификации, готовы прыгать с места в карьер и лечить то, о чем ничего не знают. Я не один из них.

Он поднялся.

– Когда я поговорю с доктором Дирбон и пойму, что она не против, я назначу вам еще одну встречу, и мы посмотрим, чем я могу помочь Джейку. За эту консультацию оплата не требуется.

– О, я должна вам заплатить, я понимаю, что акупунктуру вы не проводили, но мы отняли у вас рабочее время.

– Нет. Это дело принципа, миссис Спуррье. Я не беру плату, если не лечу. А теперь пойдемте, освободим юного Джейка из акупунктурного заточения.

Эйдан Шарп проводил Дженни Спуррье и ее сына к выходу с шутками и улыбками, но, когда вернулся к ресепшен, лицо его было мрачным.

– Джули, у меня еще осталось десять минут до... кто там следующий?

– Мистер Кромер.

– Сначала я хочу кое с чем разобраться. Не могла бы ты для меня попробовать дозвониться доктору Дирбон – доктору Кэт? Если ее не будет, то оставь ей, пожалуйста, сообщение, чтобы она перезвонила мне по срочному делу.

Но Кэт взяла трубку сразу же:

– Эйдан? Доброе утро. Как дела?

– Все хорошо, прошу прощения, что побеспокоил.

– Ничего, у меня как раз только что закончилась операция. Что ты хотел у меня спросить?

– Джейк Спуррье... десять лет. Фелстед-роуд.

– Знаю. Мать зовут Дженни. Милая семья.

– Да. К сожалению, я за них сильно беспокоюсь. Она привела ко мне мальчика этим утром... болит горло, усталость. Он был у меня около восемнадцати месяцев назад, тоже по поводу горла... я провел с ним пару процедур, и боли прекратились. Мы с тобой тогда сошлись на том, что они, видимо, были вирусного происхождения.

– Я помню.

– Так вот, это не вирус. Я не стал проводить с Джейком никаких процедур и посоветовал его матери встретиться с тобой как можно скорее. Он жалуется на высокую утомляемость, кровотечения из носа, боль в конечностях, периодическая слабость, ячмень, и у него сильно воспалено горло. Еще у него несколько синяков на ногах и на одном предплечье. Тревожных звоночков достаточно, как ты, я полагаю, уже поняла.

– Бледность?

– Да.

– Значит, все симптомы... Спасибо тебе большое, Эйдан, я рада, что ты обратил на это мое внимание. Я скажу им, что необходимо записаться на срочный прием.

– Держи меня в курсе, хорошо? Может, я просто развожу панику.

– Судя по моему опыту, нет. В любом случае, анализ крови совершенно точно сообщит нам все, что мы хотим знать.

Эйдан Шарп положил трубку и развернулся в кресле, чтобы посмотреть в окно на сад. В его дальнем конце две белки проскакали друг за другом с одной ветки на другую, потом спустились по толстому стволу, пробежались по траве, а затем снова забрались на дерево, чтобы продолжить свою веселую гонку.

Если у Джейка Спуррье действительно обнаружат агрессивную форму детской лейкемии, как они с доктором Дирбон вынуждены были предположить, он еще не скоро сможет бегать, лазать и играть так же легко и самозабвенно – если вообще сможет.

Тринадцать

Состояние счастья и умиротворения, окутавшее Дебби Паркер исцеляющей пеленой, которую создал для нее Дава, не уходило и не ослабевало еще несколько дней. Каждую ночь она спала удивительно хорошо и просыпалась спокойной и довольной, готовой к новому дню. Она выкинула все баночки, пакетики и пачки с едой из своего кухонного шкафа и из своей части холодильника и потратила почти недельное пособие на здоровую пищу и органические фрукты, овощи и злаки.

Она выходила на улицу каждый день и гуляла в тех частях Лаффертона, где раньше никогда не бывала: в парке, по набережной, на Холме.

Сэнди наблюдала за ней и молчала. Она все еще была обеспокоена, а еще уверена в том, что диета и упражнения – это временное увлечение, но для нее было облегчением, по крайней мере, не наблюдать за тем, как ее соседка угасает и ломается под гнетом собственного несчастья, и не выковыривать ее каждое утро из постели, чтобы потом весь день беспокоиться за нее на работе.

Почти через неделю после того, как Дебби отправилась на автобусе в Старли, пришла посылка.

Таблетки выглядели и пахли так, будто были сделаны из смеси водорослей и компоста, а мазь в пластиковой упаковке была отвратительной даже на ощупь. Вместе со всем этим в посылке была сложная инструкция на несколько листов и чек в семьдесят пять фунтов.

Она с самого начала не спрашивала, сколько все это будет стоить, и сейчас окончательно убедила себя, что ей совершенно все равно; Дава делал ее лучше. У него был дар, он понимал ее, и ему удалось коснуться чего-то, лежащего глубоко в ее подсознании, до чего никто никогда не добирался. Стоило ей только вспомнить звук его голоса и живой, гипнотизирующий взгляд его глаз, только подумать о той синеве, как она снова чувствовала возбуждение и восторг встречи, будто сам Дава звал ее и отвечал ей с готовностью и радостью. Если бы пришло пять чеков по семьдесят пять фунтов – ей бы было все равно. Это того точно стоило. Неоценимо было даже то, что он уже для нее сделал.

Тем же утром она написала своему отцу письмо с просьбой выслать ей сто фунтов. *«Это стоимость лечения для кожи. К сожалению, как это теперь часто бывает, такое лечение государственная страховка не покрывает, но для меня все изменится к лучшему, когда моя кожа снова станет чистой».*

Таблетки надо было запивать чистой минеральной водой после приема сырой вегетарианской пищи дважды в день. После этого еще два часа нельзя было употреблять внутрь ничего, кроме любого количества воды. Бутылку нужно было хранить отдельно от любой химии, в темном шкафу.

Мазь надо было наносить тонким слоем перед сном, на чистую кожу, вымытую минеральной водой и мылом без отдушек. Она пахла дегтем и еще чем-то, что Дебби помнила из детства, но никак не могла узнать.

Она разделась, тщательно вымыла лицо и промокнула его, как было указано в инструкции, хлопчатобумажным кухонным полотенцем без синтетики. От мази ее кожу немного защищало.

Все эти ритуалы, которые она совершила, приготовив органические овощи, поев фруктов и выпив минеральной воды, каким-то образом помогли ей почувствовать связь с Давой, и чувство успокоения, которое будто уносило ее по морским волнам, убаюкивало ее и вновь погружало в сон без сновидений.

Что-то было не так. Ей снился сон, но этот сон был одной большой отчаянной попыткой проснуться. Она не могла понять, было ли ей больно или она задыхалась, и в этом полусне ей казалось, что кто-то заклеил ей веки, и даже когда она смогла их разлепить, вокруг была только темнота, и глаза нестерпимо горели. А потом их резанула внезапная ослепительная вспышка, и где-то рядом с ней прозвучал голос Сэнди:

– Дебс... просыпайся, ты кричала, у тебя был кошмар. Господи, что случилось с твоим лицом?

Дебби села. Она почти ничего не могла разглядеть через щелочки, в которые превратились ее глаза. У нее было странное ощущение, будто ее голова каким-то образом опухла. Кожа на ее лице горела.

– Это чертова мазь. У тебя на нее аллергия, от нее у тебя все лицо отекло.

Дышать Дебби тоже было больно – когда она выдыхала, было такое ощущение, что она толкает дверь, а кто-то держит ее с другой стороны.

– Я позвоню доктору. Он сейчас приедет, все будет хорошо.

Она слышала, как Сэнди вышла из комнаты, но видеть все еще могла только тонкую полоску света. Она понимала, что, если ляжет, ей станет тяжелее дышать. Она будто слышала, как трещит ее грудная клетка.

– Доктор едет, и она сказала открыть все краны в ванной, чтобы наполнить ее паром, и отвести тебя туда. Ну Дебби, о чем ты только думала? Боже, просто пообещай мне, что больше не будешь ходить ко всяким чокнутым.

От пара стало лучше. Дебби почувствовала, как отпускает грудь, но ее глаза оставались практически закрытыми и ощущения на коже были такие, будто ее всю ошпарило. Она постаралась думать о Даве и окружить себя синей пеленой спокойствия, попыталась сосредоточиться на глубинном центре своего «я», как он учил ее, но ею все сильнее овладевала паника, путая ее мысли. Дава казался нереальным и далеким. Ей показалось, что ее сейчас стошнит.

Полчаса спустя она сидела на диване и уже с легкостью дышала через ингалятор, вполне спокойная после того, как антигистаминная инъекция, которую ей сделала доктор Дирбон, наконец подействовала. Ее веки все еще оставались опухшими, но она могла видеть темный силуэт доктора в свете лампы.

– Что мне нужно делать? – нервно спросила Сэнди у Кэт Дирбон, пока провожала ее в ванную, чтобы та вымыла руки. – Мне лучше посидеть с ней, да?

– Не думаю, что это необходимо. Она довольно скоро захочет спать, и ее дыхание почти вернулось в норму. Но все-таки держите ингалятор поблизости и звоните в скорую, если ей снова станет хуже. Но я не думаю, что это случится. Может быть, излишним было бы вам поспать в ее комнате – это возможно? Я оставила четыре антигистаминные таблетки, дайте ей принять одну с утра и одну в обед. Завтра ей будет довольно паршиво.

– Это ничего, завтра суббота, так что я буду дома.

– Не могли бы вы показать мне те травяные средства, которые она использовала?

Сэнди достала пузырек и мазь.

– Я смою эти таблетки в унитаз и выброшу к черту крем. Можно только догадываться, из чего они, если сделали с ней такое.

– У людей часто бывают аллергические реакции на самые разные средства народной медицины, даже на те, которые продаются в аптеке, как у некоторых бывает аллергия на обычные продукты. Это все очень индивидуально. Но, думаю, я это все-таки заберу, чтобы понять, что в них содержится.

– Вы думаете, они ядовитые?

– Очень сомневаюсь. Хотя я не видела, чтобы другие мои пациенты пользовались чем-то подобным. – Кэт взяла свою сумку. – Я позвоню вам завтра с утра, чтобы узнать, как дела у Дебби, приезжать мне уже не понадобится. Но вы можете звонить мне, если вас будет что-

то беспокоить, я на связи все выходные, и передайте ей, пожалуйста, что я жду ее на приеме в понедельник.

Кэт пошла проведать Дебби перед уходом еще раз. Та спала на боку, свернувшись калачиком, и дышала совсем ровно. Ее веки все еще были опухшими, но отек на лице уже спадал. Антигистаминные, как всегда, творили чудеса. Легко можно было понять, почему девушка решила, что ее коже нужно нечто радикальное: акне усыпало все ее лицо и шею, местами были заметны воспаления. Но почему она решила обратиться к какому-то потенциально опасному сумасшедшему хиппи из Старли, консультация у которого наверняка стоила кучу денег, когда она могла просто получить рецепт у Кэт, которая выписала бы ей курс антибиотиков от акне, и, раз уж она безработная, не заплатить за это ни копейки?

Пока Кэт ехала по пустым ночным улицам Лаффертона, она решила, что обязательно поговорит с коллегами о человеке, который называет себя Дава.

Четырнадцать

Фрея Грэффхам не ходила в церковь, но в один из своих первых свободных вечеров в Лаффертоне она отправилась в собор, потому что там давали «Мессию» Генделя. Она исполнила в нем альтовую партию столько раз, что и не припомнить, – начиная со школьных лет, когда она пела еще много чего другого, и заканчивая представлениями на настоящей оперной сцене. Но в какой-то момент Дон объявил, что он против всего этого, и, в очередной попытке сделать ему приятное и умиловать его, она ушла из своего хора в Илинге и из любительского оперного кружка. Дон не умел петь, не любил музыку, отказывался даже заходить в церковь и на дух не переносил все, чем Фрея могла заниматься вне дома и без него. Она перестала играть в теннис и бадминтон, в которых была так хороша; единственный спорт, которым ей позволено было заниматься, было плавание, потому что Дон был пловцом. Он, тем не менее, дважды в год отправлялся кататься на лыжах без нее. Она однажды поехала с ним в Швейцарию и сломала лодыжку. После этого Дон просто стал ездить кататься со своими друзьями. Ни у кого никогда не возникало даже мысли о том, что он мог бы от этого отказаться.

Когда она сидела в церкви Святого Михаила, наслаждаясь мощными хорами Генделя, она на секунду задумалась даже не о том, как она вообще могла выйти замуж за Дона Бэллинджера, но скорее о том, как ей удалось перенести и полдюжины вечеров рядом с ним на людях. На протяжении всего их брака ее не покидало чувство, будто она исчезает, ее личные вкусы и предпочтения разъедал яд его неодобрения, а ее личность не могла найти никакого выражения за пределами работы.

Она все еще не могла привыкнуть к тому, что свободна. Сидя в этом величественном здании и слушая музыку, которую она так хороша знала, она в очередной раз поняла, что не должна больше испытывать вину, не должна выдумывать оправдания или врать, возвращаясь домой, и что теперь она в ответе только перед самой собой.

Всякий дол да наполнится...

Ей хотелось присоединиться. Она знала каждую ноту, каждое форте и пианиссимо, каждую партию альты, каждую библейскую строку.

Собор был полон, и, несмотря на то что Фрея никого не узнавала, она чувствовала себя как дома и совершенно на своем месте, будто прожила здесь уже десять лет. Лондон, ее брак, столичная полиция постепенно исчезали из ее памяти, будто улыбка Чеширского Кота.

В программке она нашла информацию о хористах собора Святого Михаила, которые заменяли профессиональных солистов, и адрес секретариата, где проводились прослушивания. Когда она пришла домой, она зажгла огонь – одним из принципиальных моментов во время поиска нового жилья было наличие настоящего камина. Она слишком долго жила в доме с экономически целесообразным, казенным, бездушным центральным отоплением, скрытым под полом. Камин был маленьким, но хорошо тянул, так что щепки и небольшие поленья занимались всего за несколько минут. Она вставила диск с «Мессией» в плеер, налила себе бокал «Сансера» и, прежде чем вернуться к книге, которую сейчас читала, оставила заявку на следующее прослушивание в хор Святого Михаила.

– Ты счастлива, – сказала она вслух сама себе. – Ты счастлива!

Прослушивание проводилось через неделю после Рождества в церковном зале. Кроме нее пришли еще четыре человека, и ее с двумя другими, мужчиной и пожилой женщиной, приняли.

Фрея понимала, что давно не практиковалась и ее голос звучал несколько грубовато, еще и после перенесенной простуды. Прослушивание оказалось непростым – стандарты в соборе Святого Михаила были высокие, – но в тот момент, когда она в унисон с пианино взяла первую ноту, она почувствовала, будто взлетает к сводам собора, радостно и беззаботно, словно птица. Она скучала по пению гораздо сильнее, чем думала.

Перед тем как они разошлись тем же вечером, хормейстер рассказал им о планах на грядущий сезон, который длился до конца июня. Предполагалось, что они будут петь «Военный реквием» Бриттена здесь, в соборе, в мае, а перед этим примут участие в большом пасхальном концерте с Мессой си минор Баха, которую исполняют вместе с хорами со всего округа в Бевхэме. Фрея была на седьмом небе. Баха она знала прекрасно, а Бриттена мечтала спеть уже очень давно.

– Кстати, через пару недель планируется небольшая вечеринка для хора. Мы всегда приветствуем помощь от новеньких – а то вы знаете, как это бывает: все ложится на плечи старожил, так что если вы можете предложить свои услуги...

Фрея вызвалась добровольцем, поскольку работа ей это позволяла, и пополнила ряды участников хора, которые будут отвечать за угощения. Она была не бог весть каким кулинаром, но никогда не упускала случая испечь пудинг.

Она ехала домой, подпевая своему плееру, из которого доносилась Месса си минор. Ей нравился ее новый дом; с самого начала работы в лаффертонской полиции она наткнулась на такое дело, за какие всегда любила браться; у нее снова была ее музыка; и теперь даже ее социальная жизнь, кажется, начинала приобретать какие-то очертания.

Она попробовала позвонить по тем номерам, которые ей дал хормейстер, Алан Фентон, но ни по одному из них ей никто не ответил и даже не сработал автоответчик. Но она не собиралась сдаваться. Пока она рылась в еще не разобранных коробках в поисках своих кулинарных книг, на ее лице неожиданно появилась озорная улыбка:

– Кусай локти, Дон Бэллинджер.

Чуть-чуть не дожидаясь десяти вечера, она решила обзвонить номера снова.

– Да, – раздался раздраженный голос пожилого мужчины.

– Здравствуйте, меня зовут Фрея Грэффхам, мне дал этот номер хормейстер из хора Святого Михаила...

– Вам нужна моя жена.

Еще один супруг, который считает, что чем дальше он держится от интересов и занятий своей жены, тем лучше.

– Мэриэл слушает.

Фрея только начала объяснять, зачем она звонит, как ее оборвал восторженный возглас:

– Вы что, правда хотите помочь? Вы святая!

– Я сегодня только прошла прослушивание, но все же нам успели прочесть лекцию о том, как все ложится на одни и те же плечи и как отчаянно нужны волонтеры.

– Старый добрый Алан.

– Я могу делать десерты. Мне нравится их готовить. Сколько человек придет?

– Где-то от двадцати до ста пятидесяти, дорогая. Они никогда не отвечают на приглашения, и все могут привести спутника. Если их будет сто пятьдесят – да поможет мне Бог, потому что вечеринка будет проводиться у нас, и мой муж просто-напросто взорвется.

– Я тогда сделаю примерно шесть видов разных закусок. Мне принести их в тот же день?

– Пожалуйста, если только вам не будет удобнее заморозить все и принести их заранее...

– Нет, день в день будет в самый раз.

– Надеюсь, вы придете на вечеринку? Приятно видеть новые лица – и слышать новые голоса, конечно же. Вы живете в Лаффертоне? Ваше имя не показалось мне знакомым.

– Я переехала сюда всего месяц назад. Но я так рада, что меня приняли в хор. Я пришла послушать «Мессию», и это напомнило мне о том, как я скучаю по пению. Я была членом хорового общества в Лондоне.

– Замечательно. Вот мой адрес.

Фрея все записала.

– Это где-то в пяти милях от Лаффертона, нужно отъехать на одну милю от Бевхэма по дороге на Флимби и свернуть на крутом повороте налево после паба. В любое время. Думаю, я весь день буду в пирогах и салатах. Я буду с нетерпением ждать встречи с вами... миссис Грэффхам?..

– Вообще-то, я только недавно вернула себе девичью фамилию, я развелась прошлым летом. На работе меня в любом случае знают как Грэффхам.

– Хорошо. Тогда мисс Грэффхам... или, может быть, мисс...

– Фрея?

– Замечательно. До свидания, – и она быстро положила трубку.

Теплота ее голоса и ее поощрение подняли Фрее настроение, как это бывает, если директор узнает тебя в коридоре или хормейстер похвалит твою высокую ноту. Или, как ей подумалось, если инспектор скажет: «Отличная работа», когда ты найдешь Анджелу Рэндалл.

И она вернулась к кулинарной книге, которая лежала открытой на странице с тортом с шоколадным муссом и кремом капучино.

Большую часть своего свободного времени на следующей неделе Фрея провела на кухне за экспериментами, пока не осталась в полной уверенности, что ей удалось освоить шесть оригинальных рецептов пудинга. Во время первой репетиции «Военного реквиема» ее навыки чтения с листа прошли серьезную проверку, а ее голос к концу вечера почти пропал, но все это было для нее так волнующе, что потом она даже решила присоединиться к нескольким другим членам хора в баре «Кросс Кис». Ее записная книжка пополнилась новыми именами и телефонами, а некоторые из хористов оказались еще и членами бадминтонного клуба, куда ее с радостью обещали принять на следующей неделе, и еще она приняла приглашение на обед от женщины по имени Шэрон Медкалф, у которой не завелась машина и которую Фрея согласилась подбросить. Приезд в Лаффертон оказался чуть ли не лучшим решением в ее жизни. Она не чувствовала себя такой уверенной уже много лет, но больше всего ее поражало четкое ощущение, что ей дан второй шанс, что она может начать свою жизнь сначала. Она подумала, что, наверное, такое чувство появляется, когда ты чудом избегаешь смерти – во время страшной аварии или тяжелой болезни. Новый шанс. Она начала осознавать, насколько крепки были цепи, которые держали ее во время ее короткого брака, как сильно преуспел Дон в том, чтобы растоптать все ее стремления и сломить ее внутреннюю силу. Она всегда имела привычку рассчитывать только на себя и доверять только своим суждениям и решениям, и, хотя ее никак нельзя было назвать импульсивной или легкомысленной, она безусловно полагалась на свою интуицию и инстинкты, что помогало ей быстро соображать и действовать. Если потом что-то шло не так, она никогда не отказывалась от ответственности. Это делало ее хорошим полицейским офицером, и именно поэтому ее взяли в уголовный розыск.

Но ее несчастливая личная жизнь очень скоро начала влиять на работу. Она делала неправильные выводы, сомневалась тогда, когда раньше действовала бы решительно, и, если кто-то обращал на это внимание, начинала винить себя и окончательно теряла уверенность.

Но сейчас все быстро становилось на свои места. Она вновь отыскивала в себе ту женщину, которой всегда была, и решила строить свою новую жизнь, прислушиваясь к ней. Она заводила новых друзей, возвращалась к своим прежним увлечениям, обустривала свой дом именно так, как хотела сама, ни к кому не прислушиваясь, и снова зарабатывала себе на жизнь только

самостоятельно. У нее появились новые амбиции. Уголовный розыск был ее призванием, и она была решительно настроена получить повышение через два или три года.

«Никто, – думала она теперь, – не унизит и не сломает меня снова».

Весь следующий день она выбирала себе наряды в магазинах Бевхэма. Она решила, что и ее гардероб, включая очень дорогие и совершенно непрактичные туфли, должен отражать новую Фрею Грэффхам. Она вернулась домой с льняным кремовым брючным костюмом, двумя свитерами, двумя куртками для работы – одной велюровой и одной джинсовой, – а еще с тремя шарфами, между которыми она никак не могла выбрать, и вязаным хлопковым дизайнерским кардиганом. Дон не любил, когда она надевала что-то, что он называл «броским». Если она выделялась из толпы, если ею восхищались и делали комплименты, он начинал бояться, что она ускользнет от него, вернется к своей прежней независимости, и всегда склонял ее к тому, чтобы она носила одежду оттенков серого и бежевого с узорами приглушенных тонов. Она любила его. Она старалась делать все, чтобы угодить ему. Она была близка к тому, чтобы полностью стереть себя с лица земли, и едва успела убежать.

Когда Фрея выходила из очередного бутика в Бевхэме, она краем глаза заметила на стеклянной витрине небольшого ювелирного магазинчика по соседству фамилию *Дакхэм*. На крышке коробочки, в которой лежали золотые запонки с ляпис-лазурью, была та же надпись.

Их бригада тогда провела обычную проверку и не доложила ни о чем интересном. Но теперь, садясь в машину с горой пакетов, Фрея отметила про себя, что нужно еще раз проверить отчет, а потом сходить в магазин самостоятельно. Кто-нибудь в этом маленьком дорогом ювелирном магазине обязательно вспомнит что-то в связи с приобретением такой необычной пары запонок.

Все субботнее утро Фрея доводила до совершенства дюжину пирогов, пирожных и пудингов, выкладывала их на подносы, одолженные в столовой участка, и аккуратно упаковывала.

Найти дом оказалось нетрудно. Под сенью высоких вязов стояли два каменных столба, между ними проходила подъездная дорога, а вокруг выстлался ковер из подснежников и аконитов. Дом, вероятно, принадлежал к Эдвардианской эпохе, он был сделан из красного кирпича, а над крышей виднелись высокие дымоходы. На широкой лужайке перед ним, под сенью деревьев, было еще больше подснежников, а потом на глаза начали попадаться снежно-голубые крокусы.

– Вы Фрея? Добро пожаловать, добро пожаловать! Вы молодец.

Это была высокая стройная женщина с умным пронизательным лицом. Она была в джинсах и футболке, седые волосы были заколоты высоко на затылке, и ей можно было дать от пятидесяти пяти до семидесяти пяти.

Она протянула руку.

– Мэриэл Серрэйлер.

– И правда, это же вы и есть.

– Кто? – Когда хозяйка повернула голову, Фрея сразу же заметила сходство. Это был тот самый нос.

– Серрэйлер. Моего начальника зовут Саймон Серрэйлер.

– Это мой сын. Боже милостивый, вы из полиции!

– Детектив Фрея Грэффхам, уголовный розыск Лаффертона.

– Обещаю, шуток про поющих дам-полицейских не будет.

Они начали заносить подносы в дом. На полу лежал отполированный паркет, на второй этаж с галереей вела закругленная резная деревянная лестница, а на стенах висело несколько картин в рамах. Кухня была заставлена деревянными столами и ящиками, рабочие поверхности которых явно часто использовались по назначению, повсюду стояли растения, а в углу –

старый ободранный диван, на котором возлежали два огромных рыжих кота. Они сделали три захода, чтобы принести все подносы. Мэриэл Серрэйлер сняла с них салфетки и с восхищением посмотрела на шоколадный торт, грейпфрутовый и мятный муссы, липкую сливочную помадку с имбирем и сливочной глазурью, песочные медовые пирожные с ревенем, двухслойные меренги, ореховые и кофейные «Павловы» и ягодную шарлотку.

– Господи, да это же праздник какой-то! Почему вы вообще работаете в полиции, вам бы управлять своей десертной империей!

Через полчаса они уже сидели за столом, попивая эрл грей и закусывая песочным печеньем, и Фрея купалась в море новой информации о Лаффертоне, соборе, хоре Святого Михаила, Бевхэмской центральной больнице и о нескольких поколениях Серрэйлеров-медиков. В конце концов у нее возникло ощущение, будто она знает эту женщину всю свою жизнь. Мэриэл Серрэйлер когда-то наверняка была красавицей, но, как часто случается с очень худыми женщинами, возраст оставил на ее лице глубокие морщины и заставил ее выглядеть слишком костлявой.

Впрочем, как подумала Фрея, это не имело никакого значения. Ее красота, может быть, и померкла, но ум, очарование и живая и подлинная заинтересованность в собеседнике освещали ее изнутри.

– Теперь ваша очередь. Я хочу знать, откуда вы переехали в Лаффертон и почему, кого успели встретить, собираетесь ли оставаться и в чем уже успели поучаствовать.

Сжав в ладонях кружку свежесваренного чая, Фрея уже пустилась было в рассказы о себе, потому что распознала в Мэриэл Серрэйлер человека, для которого во главе угла стоит доверие, и была вполне готова удовлетворить ее любопытство, когда к дверям подъехала машина и кто-то вошел прямо в дом.

– Так, это может быть кто угодно... Может, Кэт с детьми, хотя не хотелось бы, со всеми этими сладостями: боюсь, я не готова к столкновению с Сэмом и Ханной прямо сейчас... Это точно не Роберт, он поехал проведать Марту...

Но дверь открыл начальник Фреи.

– Боже милостивый.

Фрея начала вставать.

– Добрый день, сэр.

– Ой, только вот этого не начинайте, вы сейчас не на работе. Здравствуй, дорогой, надеюсь, ты не планировал сегодня остаться, ведь ты помнишь, сегодня у нас ужин хора Святого Михаила, и вот, смотри какое чудо. Я как раз говорила Фрее, что она теряет время в полиции...

– Это совсем не так.

Саймон Серрэйлер сел рядом с матерью и потянулся за чайником. Потом он быстро взглянул на Фрею, улыбнулся и начал макать печенье в чай.

Впоследствии Фрея много думала о том, что это была не единственная вещь, которую она запомнила, в ее памяти отпечатались все, потому что все сложилось в единую картинку: зимний свет в витражных стеклах, тепло уютной кухни, тихое урчание одного из рыжих котов, спавшего на старом диване, аромат горячего чая и приветливый вид горшка с лиловыми крокусками на подоконнике; она смотрела на профиль Мэриэл Серрэйлер, на ее прямую спину, на то, как волосы у нее на затылке выбились из-под невидимок, и чувствовала восторг оттого, что завела настоящего нового друга, и в то же самое время перед ее глазами стоял образ этого дома с его красными кирпичными стенами, высокими дымоходами, блестящими деревянными полами, резными перилами, ведущими на галерею. Все сложилось воедино в этот миг спокойствия и ясности.

Несколько секунд она не осмеливалась поднимать глаза. Кот продолжал тихо урчать. Где-то на улице залаяла собака. Она посмотрела на Саймона.

Он смотрел не на нее, а на свою мать. Она заметила, что они похожи строением лица и тела и совершенно непохожи цветом глаз и волос. Она посмотрела на пальцы Саймона Серрэйлера, которые справа держали ручку кружки, а слева неподвижно лежали на плоском столе из сосны.

Он сказал матери:

– Я обещаю, что приеду на следующей неделе.

«Французы называют это *coup de foudre*⁹» – вот о чем она тогда подумала. «Ты влюбляешься отчаянно и без памяти за одну секунду. Вот оно».

Она допила свой чай и встала. Ей надо было уйти как можно быстрее, посидеть в своей машине наедине с собой. Ей надо было подумать. Насколько она могла разобраться в своих чувствах на тот момент, прежде всего она была зла, очень зла, и еще напугана. «Я не хочу этого, – настойчиво говорила она себе, – я не готова, и это неправильно. Я ничего этого не хочу».

Мэриэл Серрэйлер проводила ее до двери.

– Вы так, так добры! Вы не представляете, насколько сильно помогли. Ну, скоро увидимся!

«Черт! – думала Фрея. – Черт, черт, черт!»

Он крикнул ей «до свидания!» с кухни, но она уже выходила из дверей, а потом почти что побежала к своей машине, запуталась пальцами в ключах и едва справилась с замком.

Черт.

Она услышала, как гравий из-под колес бьется о поддон машины, и визг своих шин.

Еще несколько миль она ехала очень быстро, пока не оказалась в деревеньке, где увидела маленький мостик. Она остановилась и вышла. Было холодно. Мост высоко висел над рекой, и она стояла на самом его верху, вглядываясь в воду и стараясь прийти в себя.

Она была в настоящем шоке от того, что с ней произошло. Когда она встретила старшего инспектора на семинаре в Бевхэме, она подумала о нем как о приятном, очень молодом для своего звания человеке с необычной внешностью. Но сегодня, всего через несколько минут после того, как он сел за кухонный стол и улыбнулся ей, а его мать сделала какое-то замечание, она посмотрела на него и просто влюбилась, как люди, например, засыпают или начинают смеяться над хорошей шуткой. Она слышала о подобных вещах, читала о них, но никогда не воспринимала всерьез.

Лицо Саймона Серрэйлера смотрело на нее из холодных вод реки. Его изящные кисти, пряди невероятно светлых волос, движение его головы, с которым он повернулся к ней и потом опустил взгляд, ввелись в ее память и затмили собой все остальные образы, все мысли.

Фрею передернуло.

Для тебя, со всей возможной любовью и преданностью, от Меня.

В эту долю секунды она осознала, что значила эта записка Анджелы Рэндалл; она была уверена, что наконец смогла залезть в голову этой женщины, понять ее. Анджела Рэндалл, женщина средних лет, живущая бесплодной одинокой жизнью, влюбилась; влюбилась, возможно, безответно, возможно, не в того человека, и была явно в плену у этой любви. Женщины в таких ситуациях часто бездумно покупают дорогие подарки объектам своей любви, не заботясь о том, могут ли себе это позволить, и не придавая значения тому, что этому подарку могут быть не рады.

Фрея ощутила острый приступ сочувствия к этой женщине и абсолютную уверенность в том, что была права.

---

⁹ *Coup de foudre* (фр.) – буквально – «удар молнии», любовь с первого взгляда.

Запись

Однажды ты мне сказала, что приходишь в больницу в надежде увидеть, как я хожу там «как настоящий доктор». Ты прождала почти три часа, но ни одна из проходивших мимо фигур в белых халатах не оказалась моей, так что в итоге ты сдалась и вернулась домой разочарованная. Ты не знала, что студенты все равно занимаются в другом здании и почти никогда не надевают белые халаты, потому что в основном ходят на лекции, делают конспекты и носят спортивные куртки. Но ты хотела увидеть меня, потому что знала, что, если это случится, ты правда поверишь, что я действительно здесь учусь, что я настоящий студент-медик. Тогда ты сможешь мною гордиться, а белый халат станет символом этой гордости. Когда я действительно начал носить его каждый день, ты и представить себе не могла, как я сам им гордился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.